

К. В. ЧИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ БЫЛИНЫ И ПРЕДАНИЯ
О РАХКОЕ ИЗ РАГНОЗЕРА

Среди былин, записанных в XIX—XX вв. в Карелии, исследователи неоднократно выделяли былинку о Рахте Рагнозерском. Еще в статье Л. Н. Майкова, опубликованной в 1876 г., было сделано предположение о возникновении этой былины на основе местного рагнозерского предания о силаче Рахкое.¹ Однако решение этого вопроса представлялось невозможным из-за неизученности самого предания.

В. Ф. Миллер — глава так называемой «исторической школы» — неоднократно ссылаясь на былинку о Рахте Рагнозерском для доказательства неспособности северных крестьян к эпическому творчеству. «Единственная», как он писал, былина, бесспорно созданная северными крестьянами, представлялась ему эклектическим смешением разнородных мотивов, заимствованных из самых различных источников — исторической песни о Кострюке, былины об Иване Годиновиче, сказок о неверных женах и т. д. и т. п.

В противоположность этому в советское время проф. А. М. Астахова и некоторые другие исследователи писали о былинке о Рахте Рагнозерском как ярком доказательстве стремления северных крестьян к творческому развитию эпических традиций. Особенно подчеркивалось при этом продолжающееся бытование былины и ее обогащение мотивами все того же местного предания.

Таким образом, сложилось положение, при котором дальнейшее изучение вопроса оказалось невозможным без привлечения новых материалов и прежде всего записей предания, с которым былина каким-то образом связана. Однако в распоряжении исследователей до самого последнего времени таких записей не было, если не считать краткого пересказа предания в статье К. Петрова.² Правда, в 1926—1928 гг. было сделано две записи предания, однако, они были восприняты собирателями как пересказы былины³ и до 1948 г. не публиковались.

В 1939—1940 гг. пудожская фольклорная экспедиция Карельского научно-исследовательского института культуры, в составе которой был и автор этих строк, поставила в качестве одной из своих задач запись местных преданий и особенно преданий о Рахте Рагнозерском. Было сделано около двух десятков записей, однако некоторые из них погибли во время войны.

¹ Л. Н. Майков. Новые данные русского эпоса из Заонежья. Журн. «Древняя и новая Россия», 1876, № 6, стр. 195—198.

² К. Петров. Рахта Рагнозерский и Микула Селянинович. Олонецкие губ. ведомости, 1875, № 81.

³ См. В. Sokolov. A la recherche des bylines. Revue des etudes slaves. Paris, 1932, v. XIII.

В 1956—1957 гг. эти новые записи были подвергнуты специальному исследованию, результаты которого изложены в статье «Былина «Рахта Рагнозерский» и предание о Рахкое из Рагнозера».¹ Выяснилось, что сюжет, связанный с Рахтой-Рахкоем, очень древен по своему происхождению и его история является своеобразным фольклорным отражением этногенетических процессов, происходивших в IX—XIV вв. в Прионежье и Приладжье. Основные ее этапы представляются следующим образом: древнейшим было саамское или весское родовое предание, воспринятое позже (не раньше IX века) предками карел-людигов и ливвиков в процессе ассимиляции древнейшего населения Прионежья; в XII—XIV вв. предание передавалось русским, пришедшим на эти территории. Таким образом, и былина и предание о Рахте оказались не эклектическим соединением разнородных элементов, а вполне оригинальным фольклорным произведением, сохранявшимся народом на протяжении многих веков. Вместе с тем появилось и основание для изучения как судьбы предания в русской среде, так и вопроса о взаимоотношении былины и предания.

Подобные вопросы всегда сложны. Исследование их должно основываться на максимальном учете фактического материала. Поэтому предположения, высказанные нами в названной выше статье, необходимо сопроводить публикацией материалов, бывших в нашем распоряжении и до сих пор не доступных исследователям.

Настоящая публикация состоит из материалов, хранящихся в архиве Карельского филиала Академии наук СССР², и записей, произведенных летом 1957 г. экспедицией студентов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова под руководством доц. Э. В. Померанцевой. Всего публикуется 32 текста (23 на русском, 5 на карельском и 4 на саамском языке), из них один (№ 28) заимствован из печатного издания (журн. «Memoir de la société finno-ougrienne», 60, 1931, p. 304—307). Перепечатка последнего нам казалась целесообразной ввиду редкости и малодоступности журнала, опубликовавшего эту запись.

Текст № 9 дается в двух вариантах в связи с тем, что предание записывалось от М. А. Павкова дважды, и между записями 1940 г. и 1946 г. имеются существенные расхождения.

I

Записи предания на русском языке из архива Карельского филиала АН СССР

№ 1

Записано от Титова Алексея Александровича, д. Рагнозеро, Рындозерского с/с., Пудожского р-на, КАССР, Чистовым К. В. в июле 1940 г.

Рахой был богатырь вот данной деревни. Семья у него была: двое детей малолетних и жона.

Вот созвал его государь в Москву бороться с одним борцом. Он с собой в Москву принес на семеро дровней всего материалу. Шел он

¹ К. В. Чистов. Былина «Рахта Рагнозерский» и предание о Рахкое из Рагнозера. Славянская филология. Сборник статей. Т. III. Изд. Сов. комитета славистов к IV Международному съезду славистов, М., 1958, стр. 358—388.

² Приносим нашу благодарность В. В. Сенкевич-Гудковой, В. И. Кийранен и Р. Э. Виртанен, помогавшим при подборе и подготовке карельских и саамских текстов к печати.

туда, в Москву, на лыжах. Приходит в Москву, поднял угол дома и под-
сунул свои лыжи. Приходит, ему государь и говорит:

— Вот, Михайло, я тебя призвал сюда бороться.

И вот сошлись они с борцом бороться. Спросили друг у друга, кото-
рый наперед будет бить (борьба насмерть была у них). Первый раз
ударил борец. У Рахкова изо рта выскочил кровавый кусок. Ударил
Рахой и сразу убил, на первый удар. Государь ему за это наградил
кафтан:

— Вот, Рахой, иди, но государьского подарка никому не отдавай.

А сам послал вслед солдат, чтобы кафтан отобрали. Когда они до-
гнали Рахкова и сказали, что государь велел отдать, Рахой
и говорит:

— А возьмите! Не тяжело он у меня и нажит.

Государь сразу Рахкова приказал вернуть и посадил в тюрьму, не
давал шесть суток ни есть, ни пить. После пяти суток дал ему кушать
и поставил пять человек солдат, чтобы не давали есть Рахкову.

Ну, конечно, Рахой одной рукой отпихивает солдат, другой ест.

— Нате, ешьте, я накушался!

Потом государь и говорит:

— Что же тебе надо, Рахой? Чем тебя наградить?

— Ничего мне не надо, государь, а дайте мне власть над Рагнозером.

Ну вот, государь его так озером и наградил, и стал он полным
хозяином этого озера.

Когда возвратился домой Рахой, то жена его влюбилась в другого.
Было сорок человек разбойников, как прежде называли. И вот жена его
влюбилась в атамана этих разбойников. Жена стала испытывать:

— Когда же ты, Михайло, бывашь малосильный?

Ну он, конечно, сказал ей:

— Я тогда бываю малосильным, когда сделаю сношение.

Тогда она сделала это дело, призвала атамана и связали Михайло
веревками. Связали веревками и сами ушли. Привязан он был к кол-
бику¹, к печке. Вот Михайло и говорит дочке:

— Возьми ножик и перепили у меня веревки.

— Да,— говорит,— я молоденького папеньки скажу, так он даст
тебе ножик!

А мальчик говорит:

— Я подам, папа, ножик!

— Тебе не достать.

Ножик был на полке.

— Я,— говорит,— лучинкой спихну.

Спихнул, перепилил веревки у отца. Тогда Михайло сейчас идет на
берег озера, вымылся и вот этих 40 человек разбойников (оны помеща-
лись в байны) всех убил, сронил байну.

Приходит домой, опять привязался на то же место и сидит. Вдруг
открывается дверь и приходит атаман с его женой.

— Вот, Михайло, я сон видел: поставил слопець... ну, капкан...
мни,— говорит,— мошник² матёрый-прематёрый попал.

Михайло говорит:

— А я сон видел: поставил слопець, так мни сорок попало, а еще
глухарь с глухаркой ходит, так, наверное, и тот попадет!

Развернулся и убил этого атамана и свою жону.

¹ Колбик, колбьяк — бревно, чурбан (Даль).

² Глухарь.

Ну, на этом и закончилось. После до смерти доживал, владел этим озером. Он основатель деревни, стало быть. Название озера от него и произошло.

Лет сорок, когда горела наша деревня, ровняли дворы,—выкапывали лытки, человечесь кости. А никто на веку не помнит кладбища на этом месте. Слышал от деда своего Титова, от многих и от Оськи Паленого.

(Архив Карельского филиала АН СССР $\frac{8}{193}$)

№ 2

Записано от Зуевой Александры Тимофеевны,
д. Рагнозеро, Рындозерского с/с., Пудожского р-на,
КАССР, Ю. М. Агулянским 18 июля 1940 г.

О Рахкое Рагнозерском

Ён жил здесь в ентон деревне. Его стробовали в Москву — бороться. Ён пошел на лыжах. Как в деревню ходил, так и в Москву в трое сутки сошел.

Поборолсе, государь ему дал кафтан. Ён пошел обратно. Государь и говорит:

— Пойдите, солдаты, отымите у его кафтан: если благой, дак отдаст, а злой, дак не отдаст.

Ну вот, его солдаты догнали.

— Стой! — говорят.— Рахкой Кибиткой, отдай кафтан!

Ён им отвечает:

— А нате. Мне его и не жалко!

Приходит ён домой. В той деревне было сорок разбойников. У его была жона и двое детей: сын и доцка. Когда ёны легли с жоной спать, она его стала спрашивать:

— Когда ты живешь малосилой?

— Тогда я бываю малосилой, когда с тобой блуд сотворю.

Когда ёны с ей поспали, ён заснул, она его привязала канатом к лавке. Ён проснулся, видит, что привязан. Его жона сошлась етой порой с разбойницьим со старшиной.

Приходит доць и говорит:

— Вот, погоди, я скажу новому папы, новый папа придет, тебя скоро убьет!

Ён доцери говорит:

— Достань мне ножик.

Ёна говорит, что ножика тебе не будет, а будешь ты убитой.

Доць ушла, приходит сын. Сын был так годов около шести или семи.

Вот ён и говорит:

— Коля, подай папы ножик.

— Я бы, папа, подал ножик, у меня руки не фатят.

Ён говорит:

— Возьми луцинину — пехай, пехай, ён и падет.

Ён взял луцинину, ножик спехнул и подал папы. Потом ён этот ножик достал, перерезал веревку у себя. Сходил в озеро умылся. Сорок человек разбойников в байны. Ён сронил потолок на них и всих оных там и удавил. Пошел домой, опять на тое же место лег и припутался

веревками. Этот разбойник приходит, который, живет с егоной жоной, вот и говорит ему:

— Вот был один мушник¹ матерой, летал, летал и тот в пас(т)ь² попал.

А ён ему говорит:

— А вот летало сорок мушников в одну пас(т)ь, а один летал и тот попадет.

Ён говорит:

— Ты еще стал мне грозить!

Тут Рахкой соскоцил и перервал его пополам. Потом прикончил жись жоны и доцери. Остался единственно с одним сыном. После того его не долгая была жись.

(Архив Карельского филиала АН СССР ⁸ 192)

№ 3

Записано от Дмитриевой Натальи Дмитриевны, д. Рагнозеро, Рындозерского с/с., Пудожского р-на, КАССР, Чистовым К. В. 17 июля 1940 г.

Жил ён, Рахкай, в острову, в Беловом (за три версты). Ён проживал годов много. Потом переместился сюдыкова. Ён и развел нашу деревню. Ён как стал зде-ка жить да промышлять, потом шире и дале и распоселилось жило. Так деревня Рагнозеро и стала.

(Русский он был или карел?)

Ён был русский.

Ён не богатырь, ён только дороден был, на семь дровен приносил вязьев да полозьев. Слышала я от свекрови покойной. Рахкай не торговал ничего, только крестьянскую работу работал.

Был досюль, был Рахкай.

(Архив Карельского филиала АН СССР ⁸ 193)

№ 4

Записано от Титовой Дарьи Гавриловны, д. Рагнозеро, Рындозерского с/с., Пудожского района, КАССР, Марголис Б. Е. (Чистовой Б. Е.) 17 июля 1940 г.

Знаю только: был Рахкай гораздо сильный и хороший. На семи дровнях принесет себе на приправу. В сутки хаживал в Ленинград на лыжах, 40 разбойников мог поколотить. Рахкай был ище женат и вот озеро его так и называется — Рагнозеро.

Было сорок разбойников, пришли сюда. У его была жена, он ее пристраживал, сын и дочь. Жена его с разбойникамы и согласилась. Ены у ей спросили:

— Когда Рахкай слабый бывает?

— Ён когда в байну сходит и спать ляжет, у его силы нет.

¹ Глухарь.

² Ловушка, капкан.

Ну, а потом байну вытопила, ён в байну сходил, ёны его всего веревками опутали, старшой и говорит:

— Ну, ты попал к нам!

Оны сели в горнице чай пить, а у Рахкая был сын и доць. Он доцери и говорит;

— Подай нож мне в руки — увидел его на воронци.

А она говорит:

— Я мамы боюся да дяденьки. Боюсе подать.

Потом пришел сын.

— Сынок любимый, подай мне ножик с воронця.

Он и сдернул ножик и подал его отцю. Тот вси веревки разрезал у себя да взял сорок разбойников всех прибил, потом жену туды же, и девочку туды, с сыном стали двое.

А зацем Рахкай в Ленинград (sic!) на лыжах ходил? Его требовали цего-то.

(Архив Карельского филиала АН СССР ⁸/₁₉₁)

№ 5

Записано от Лукиной Марии Степановны, д. Рагнозеро, Рындозерского с/с., Пудожского района, КАССР, Марголис Б. Е. (Чистовой Б. Е.) 17 июля 1940 г.

Рахкой был богатырь. На семь дровней всякую приправу мог на себе снести. Дом поднимал — подпихнет под дом лыжи.

Ходил в Киев бороться. Его вызвал царь, он и пошел туда на лыжах и сражался там с богатырем. Поборол его — царь его и спрашивает:

— Чем наградить тебя за это?

— А дай мне озеро во владенье!

И у царя золотыми буквами написано и дан был ему такой документ.

А вот еще на Водлозере есть деревня Рахкула Канза-Наволоцкого сельсовета; не бывал ли он там?

Потом в одно время жонка его измену сделала, да разбойники хотели его подушить, да не вышло. Были у него сын и дочка, да один из них его продал, а другой выручил. Так он жену и одного дитенка порешил.

(Архив Карельского филиала АН СССР ⁸/₁₉₄)

№ 6

Записано, от И. А. Кережина, 78-ми лет, д. Бураково, Авдеевского с/с., Пудожского р-на, КАССР, Г. Н. Париловой в июле 1940 г.

Михайло Рак

В Москвы были борчи, бороться хотели. Бореч приезжал чужой, из-за границы, што ль. А один мужчина и говорит:

— С этим борчком наш Михайло Рак поборолся бы.

Ну, а его за плеча и вывели. «Какой,— говорят,— Михайло Рак?»

И повезли этого мужика к Рахке. В Рагнозеро приезжают, его нет. Потом приходит из лесу, на семь дровней принес с лесу полозья, вязья, все материалы.

— Ну,— гыт,— мы за тобой приехали, бороться надо.

— Я не отказываюсь, вы поезжайте на лошади, а я пеший пойду.

Ну, а мужика повезли туда опять в Москву. А ен, Рахой-то, за трое суток раньше на лыжах пришел в Москву. А те приехали, им и говорят:

— Ну что, привезли Михайлу Рахоя?

А Рак встречает их:

— Вы что долго? Я уже трое суток прожил, вас прождал. Ну вот,— гыт,— где у вас бореч?

Ну, там вышел бореч.

— Ну что, на смерть тебя бороть или на живот?

— Бори прямо на смерти!? (тот-то еще пофастал).

Он повел раз, два да три, как тропнул, дак тут и конеч борчу. Ему царь кафтан дал, а ён на лыжи стал да и опять в Рагнозеро. Тут и жил.

В Рагнозере был я молодым на вывозках, там был Проня, старик девяносто лет. Он рассказывал про Рахка. Раньше ведь у нас дико было.

(Архив Карельского филиала АН СССР ⁸/₅₈)

№ 7

Записано от Фадеева Осипа Ефимовича (67 лет), д. Ижгора, Авдеевского с/с., Пудожского р-на, КАССР, А. Д. Соймановым и Г. Н. Париловой в июле 1940 г.

Раг из Рагнозера

Было так. Пришло сорок разбойников. А Раг как с женой грех сотворит, так половины силы не станет. А как умоется, так опять парной станет. А жена его склалась с атаманом, ночью грех сделала.

— Давайте,— говорит,— силы у него мало.

Его захватили 5 мужиков.

— Что ж,— говорит,— Дуняша, ты меня подвела? Подай, говорит, три брызги воды.

— Нет, проклятый, довольно жить на свити!

А он урвался в сени, а в сенях ковшин воды на себя вылил.

— Подходите,— говорит. А атамана подхватил за ворот. Он жене на ногу ступил, а потом и разорвал.

В баню прибежал, три бревна раздернул, взял притолок и всех повыбивал.

Это паны были, разбойники.

У нас в деревне был пан-разбойник, жил в яме, как в окопах, не выходил. А потом Трусин его предал да убили. Могила его за нашей деревней.

(Архив Карельского филиала АН СССР ⁸/₅₃)

№ 8

Записано от Н. А. Ремизова, д. Алексеевская, Авдеевского с/с., Пудожского р-на, КАССР, Г. Н. Париловой и А. Д. Соймановым в июле 1940 г.

Рахкой Рагнозерский

Слыхал, что было в Рагнозере 40 разбойников, входили они временно. Раньше этого откуда-то прибыл Рахта и жил ён, проживал годов множество. Убежано было у него за какой-то жестокий проступок и жил беспашпортный и неизвестным, откуда ён и явился. Сила была в ём непомерная: на семеро дровней мог приносить всякого лесу. И вот так что проживал ён, питался рыбой, рыбу ловил по́рно.¹ Рыбы было гораздо много в ихнем озере. И вот входит в Рагнозеро сорок разбойников и вси подделывались убить его (Рахту), но случай не подходил, а напахнуться артелью не смели, что он их по три в руки разожмет. Разбойничий воевода стал подхаживать к жены на беседу и стал спрашивать ею, меньшеается когда же сила Рахты.

Вот жена не говорила сперва, а потом немножко влюбилась в ихнего воеводу и сказала:

— Бессильный тогда бывает, когда грех с женой сотворит и пойдет купаться в озеро.

Вот они караулили его и увидели один раз его, что пошел купаться повечеру. Как выскочили из байны деревенскою сорок разбойников и говорят ему таково слово:

— Стой!

Не стоял на мести, торопился в воду скорее окупнуться бы, но не успел окупнуться, захватили его по-хорошему, скрутили его ручки за спину. (Дальше Ремезов перешел на стих, а потом всю былиную спел.)

(Архив Карельского филиала АН СССР $\frac{8}{62}$)

№ 9

Записано от Павкова Михаила Андреевича, д. Мелентьевская, Авдеевского с/с., Пудожского района, КАССР, А. Д. Соймановым и Г. Н. Париловой в июле 1940 г.

Он, этот самый Рахта, он вроде богатыря был. Он жил один в Рагнозере, где сейчас колхоз Буденного, и были у него дочка и сынок. Проведали в Москвы, что он будет хороший боец, так что он мог принести приправы на семь дровней. Послали к нему посланников; приехали посланники; он пришедши из лесу. Сказали ему, что царь в Москву вызывает. Он был тихой, скромной, говорит:

— Подождите, посидите, я покушаю, потом скажу.

Покушал и гыт:

— Поезжайте, а я пешком пойду! Они уехали. Он после их через день стал на лыжи и прибыл в Москву на трое сутки раньше их.

Сошлись с борцом, борец сделал насмешку:

¹ Ловко.

— Как будем бороться, на смерть или на жизнь?

— На смерть! — говорит.

Один становится к стенке в зале. Борец как разбежится, его каблуком в грудь ударил. Рахта выплюнул кровавый кусок изо рта. Тогда борец стал к стенке. Рахта как ударил, так и убил его. Король говорит:

— Ну, из него хороший борец будет!

И велел ему угощение поставить. А потом король говорит:

— Отберите у него все, что приготовлено.

Ну, конечно, посланник взял только половину, а Рахта говорит вслед ему:

— А возьми хоть все, я и так на Рагнозеро уйду.

Ну, король и говорит:

— Ну, плохой из него борец, тихий очень.

Ну, Рахта обратно домой, лыжи были у него весом 30 фунтов. А когда он в Москву ходил, поселились у них разбойники, 40 человек команда. Они помещались в бане, атаман с женой гулял. Атаман стал жонку сманивать:

— Вот ты живешь здесь, не видишь света, уезжай с нами!

Ну, всякое там говорил.

Спрашивает:

— Когда бывает у Рахты меньше силы? Узнай, — говорит, — обязательно.

Когда Рахта пришел, жена сказала атаману, и он скрылся. Тогда жена обласкала Рахту и началапытывать:

— Скажи, когда у тебя бывает силы меньше или нет?

Он, конечно, ошибку дал и ответил:

— Когда я сотворю блуд, тогда у меня бывает сила меньше.

Она доложила атаману, приходит атаман, связал руки, ноги и положил. Говорит:

— Ты наш, никуда не уйдешь.

А сам уже начинает с его женой гулять. Приходит и дразнит:

— А я с твоей женой гулял, а ты стоишь связанный.

Когда ушли гулять, тогда он говорит семилетней дочке:

— Дочка, подай мне ножика!

Дочка отвечает:

— Я молодому папы скажу, он тебе даст ножа!

(Архив Карельского филиала АН СССР $\frac{8}{68}$)

№ 9а

Записано от Павкова М. А., д. Мелентьевская, Авдеевского с/с., Пудожского р-на, КАССР, А. В. Беловановой в июле 1946 г.

Михайла Ракин

Начнем прямо так: было дело в Пудожском районе, в деревне Рагнозеро, отсюда километров тридцать. Вот жил там Михайла Ракин, семья у него была — жена и двое детей. Только и жительство было, больше никого не было. Он был очень сильный, можно сказать, богатырь был. Так что он мог приносить материалу на своих плечах на семеры дровни. И вот он проживал так, лет уже сорок было ему,

и никто не знал, что он такой чинный. А из нашего Пудожского района некоторые маклаки ездили в Питер на лошадях с грузом. Эти вахляки (sic!), им пришлось сходить в цирк и высмотреть, как там борцы борются, богатыри.

В этом цирке был один знатный борец, никто его побороть не мог. Нанялся там один борец, вышли оны на поединку. Ну, его этот борец сразу и победил. Тогда оны меж собой и говорят:

— Ну, был бы тут наш Михайла Ракин сразу победил бы этого богатыря.

А там люди подслушали их разговор, что есть у них Михайла Ракин, поборол бы этого борца. И донесли царю, что есть в Пудожском районе один борец по имени Михайла Ракин. Царь недолго думавше, послал сюда посланников, что во что ни стало привезите Михайлу Ракина в Питер.

Посланники приехали сюда искать Пудожского района, тогда уезд был, Пудожского уезда. Когда они приезжают в деревню Рагнозеро, Михайла Ракина долго не случилось. Только дома были жена и дети. Посланники спросили жену:

— Где же ваш муж, Михайла Ракин?

Но жена ответила:

— Ушел на работу, скоро должен прийти.

Вот немножко обождали, вдруг на озере оказалось страшное чудовище. Жена и говорит:

— Вот мой муж идет с работы.

Он приходит. Озером шел, дак приносит на семеры дровни материала. Им сразу страшно стало — сколько он мог принести. Когда он сбросил с плеч свою ношу, аж земля задрожала. Ходил, конечно, он на лыжах. Поднял в доми угол и лыжи засунул в подвал, чтобы не украли. Жена предупредила посланников:

— Пока он не покушает, дак ничего не спрашивайте, он бывает сердитый.

Он заходит в дом, спрашивает у жонки покушать. Конечно, с ними поздоровался. Когда покушал, начинает посланников спрашивать, зачем они сюда прибыли.

Тогда посланники и отвечают:

— Мы приехали к вам сейчас от самого царя. Царь вызывает вас налицо. Дал наряд, чтобы сразу вас привезти.

Тогда Михайла Ракин отвечает:

— Вы поезжайте, а я приеду сзади на лыжах, если я сяду, дак ваша лошадь меня не увезет.

И вот Михайла Ракин прожил после посланников три дня и отправился в Питер, к царю налицо. Приходит он в Питер, посланники еще не приехали (после его за три дня приехали). Ну, он, конечно, доложил царю: так и так, я есть тот самый Михайла Ракин. Ну, царю было известно, что как он проголодается, дак злой, как зверь. Три дня царь держал его без еды. И через три дня открыл борьбу. Все люди в цирке собрались, а этот борец выхвальные:

— Что за борца привезли из деревни!

Вот Михайла Ракин и выходит. Тогда борец и говорит:

— Ты скажи, Михайла Ракин, какой земли, какой орды, какого отца-матери? Чтобы мы знали, кому известить о смерти твоей. Ну, как, пойдем бороться на смерть или на живот?

Тогда Михайла Ракин и говорит:

— Как угодно!

Тогда они разошлись, делают схватку. Борец ударил Михайла в грудь. Михайла Ракин сделал отметку на три шага и выхаркнул кровавой кусок, но на ногах устоял. Тогда и говорит Михайла Ракин:

— Ну, держись, нахвальный борец, я не буду вас спрашивать, какой земли, какой орды, какого отца-матери!

Ну, дал борцу в грудь, тот и смерть получил. Тогда царь приказал Михайлу Ракина в отдельную комнату и дал ему покушать. Царю захотелось отобрать у Михайла Ракина хлеб со стола, человек голодный, дак что он скажет? Но этот человек половину продуктов отобрал, а Михайла Ракин и говорит:

— А ежели голоднее меня, дак заberi последки, я и так домой уйду!

Ну, тогда царь увидел, что у его характер слабый, отпустил его домой, не стал его в крепости держать, как раньше богатырей в крепостях держали.

...Вот когда он ходил к царю, Михайла Ракин, к ему пришел атаман с шайкой разбойников в сорок человек. Поместились у его. Этот атаман полюбил его жену. Михайла Ракин долговато проходил. Оны с жонкой решили Михайла Ракина как-ни убить. Атаман и говорит:

— Когда он придет домой, ты расспроси у него, когда у него бывает меньше силы.

Вот он пришел домой, не знает, что у его тут шайка разбойников. Он пожил день-два дома, и жена начинает его расспрашивать:

— Скажи, Михайла Ракин, когда у тебя бывает меньше силы?

Он долго не сознавался, но в конце концов сознался, что когда я с вами сотворю блуд, дак тогда у меня бывает меньше силы.

Когда оны сотворили блуд с ей, тогда она сообщила атаману:

— Теперь Михайла Ракин бессильный, что хотите с ним, то и делайте!

Тогда приходит атаман, связывает у Михайла руки, ноги и привязывает его к стенки. Начинает с его женой гулять. Сам насмехается:

— Ах, Михайла Ракин, ты такой сильный, порной — привязан, а я с твоей женой гуляю.

Когда ушел атаман в другую комнату, тогда говорит Михайла Ракин своей дочки:

— Дай мне ножа!

Тогда дочка говорит:

— Ах, тебе ножа! Погоди! Я новому папки скажу, дак даст он тебе ножа!

Тогда он говорит мальчику, трехлетнему сынку:

— Дай мне ножика!

— Да мне, папа, не достать. Он на полке, высоко.

— Возьми палочку, спихни с полки да подай мне.

Мальчишка взял палочку, спихнул и подал ему. Тогда Михайла Ракин отрубил веревки и побежал в озеро искупаться. Искупалсе, прибежал на старое место, сам себя немножко припутал, стоит. Выходит атаман с насмешкой:

— Ах, Михайла Ракин, я с твоей женой обнимаюсь, а ты стоишь привязанной, а такой считалсе сильный.

Тогда Михайла Ракин хватилсе, ударил атамана и убил насмерть. То же самое берет жонку и дочку — нарушил все семейство. Оставил одного сына. А сын говорит:

— Папа, у нас полна баня мужиков (больше не знает, как называть).

Тогда Михайла Ракин сбежал в баню, спихнул в бане стенки с места и всех сорок человек убил, так что ни одного живого не осталось. Забрал своего сына и ушел неизвестно куда. Забросил Рагнозеро.

(Архив Карельского филиала АН СССР ¹⁷/₃₅)

№ 10

Записано от И. Т. Фофанова, 70-ти лет, д. Климово, Авдеевского с/с., Пудожского р-на, КАССР, Г. Н. Париловой в июле 1940 г.

Про Рахкою

Может быть и правда, может и неправда. Был он в Рагнозере да мог на семь дровень враз всего принести — вязьев, полозьев и копыльев, витьев.

Ну, там была у его хозяйка: ён был женатый. Вот под Рагнозером подошли сорок один разбойников. Как там жительство небольшое было, лесовое, собрались в байну эти сорок человек, а атаман стал к ему, Рахкою, на фатеру. С собой, может быть, был красивой, а Рахкой этакой мужик, бородатой; да стал атаман хозяйку прилащивать: что ты с им, мужиком, а я атаман. И она с им согласиласе. А потом атаман выпрашивает:

— Когда муж твой бессилён?

Ну ёна, когда легли спать, стала у его (Рахты) выпрашивать:

— Скажи, когда ты живешь бессилён?

А ён ей сказал:

— Когда я блуд с тобой сотворю, тогда и бессилён.

Ну вот, блуд сотворил с ей, обессилел, и она доложила ему (атаману):

— Вот он бессильный.

А их сорок человек, они его (Рахту) связали да и бросили под лавку. А у его был мальчик да девочка, а атаман ушел с его хозяйкой забавляться. Девочка была побольше, а мальчик поменьше. Ён девочке и говорит:

— Возьми нож да режь (веревки).

— Нет, говорит, новый папа станет меня бить да ругать!

Ён мальчика:

— Сынок, достань ножик, вот на полке,— да показал ему,— пили ремни!

А сынок маленькой:

— Не достать, папа.

— Возьми на печке лучинку, спихни.

Сынок взял лучинку, ножик спихнул с воронча.¹ Ну, он показал, по какому месту веревку пересечь, а потом в руки нож, сам отсек веревку. Зашел в озеро, скоил выкупаться, из озера вышел, байну приздынул да сорок человек и задавил. Ну, потом приходит в фатеру, все сложил по-старому, пригомонился.

Приходит атаман:

— Что, нунь, попался?

¹ Т. е. с воронца. Воронец — «широкая и толстая доска, в виде полки, вдоль и посреди всей избы» (Даль).

— Да,— говорит,— воля ваша, попал, но только тут я лежал, что-то мне приснилось, будто сорок косачей летело да и в пасть попало, а один остался, летал, летал да и тот попал.

Руки раздернул да и сейчас ему голову отсек. А жене на ногу наступил да и пополам раздернул...

До революции еще деревня Рагнозеро сгорела. Когда ее строили, ямы для столбов копали, так много черепов выкопали: это разбойники, которых Рахой-то убил.

(Архив Карельского филиала АН СССР ⁸/₆₁)

№ 11

Записано от Меньшикова К. Н., 80-ти лет, д. Климово, Андеевский с/с., Пудожский р-н, КАССР, Соймановым и Париловой в июле 1940 г.

Про Рахту

Слышать-то слышал и деревня Рагнозеро по ему названа, хотя он был крестьянин. Силы он был непомерной, на семь дровень лесу принашивал. Соберет дровни да в Водлозеро продаст. А жонка у него была несправедливая, хотела ему отомстить, с разбойниками сошлась, а этот атаман разбойников спрашивает:

— Когда Ражкой бывает бессильный?

Жонка его подманила, подласкала, спрашивает:

— Когда ты живешь маломошный?

— А тебе зачем?

— А так,— говорит,— для интереса.

— А как,— говорит,— я с байны приду да волосы мокрые, тогда я бессильный.

Этот разбойник говорит:

— Стопи байну.

Она послужала, стопила байну, он пришел да она привязала его к столбу. А фатеренка не брала у него была, лобосом крыта.¹

Ну, она ушла, а он кричит девочке (у него дочка была да сынок Вася):

— Подай ножик мне.

Ножик на божнице был, а девка не нашла, мать не велела. Он мальчика:

— Вася, подай ножик.

— А мне, тятенька, не достать.

Но малец примостился и достал, эта девка стала отымать ножик, а малец поспел, передал. Ражкой освободился и всех перебил и девушку, что она его не послужала. С мальчишкой он и жил. Говорят, тама в Рагнозере похоронен, когда часовню строили, как будто бы выкопали ноги.

...А это давно было, когда в Москве царь Грозный был, его (Рахку) позвали бороться. Он туда (в Москву) на лыжах ходил, а послы, которые за им издили, так на лошадях, и то после пришли. Там царь

¹ Т. е. крыта тесом на одну сторону (на один скат), немного покато.

хотел его разозлить, не дал трое суток есть, а он не рассерчал. Ему еще не дали трое суток, и опять ничего. Ну, царь говорит:

— Раз такой он смирный, так не пойдет на поединок.

Ну, он так в деревне и жил, рыбу ловил, дровни делал и продавал на Водлозеро...

(Архив Карельского филиала АН СССР 8/23)

№ 12

Записано от Оглодова Степана Семеновича, 55 лет,
д. Авдеево, Авдеевского с/с., Пудожского р-на,
КАССР, О. Г. Большаковой и В. Дмитриченко 20 июля
1940 г.

Про Рахкуля

Он местный был, рагнозерский. Была тогда небольшая деревня, это было давно, еще мой папаша слышал про него. Тогда в Москве все богатыри съезжались на пункт. Там они боролись. Вот он на лыжах за трое суток прокатывался бороться в Москву, он ведь сильный был, а может лыжи у него были какие особы. Он зимой на семь саней навалит с лесу полозьев, копыльев и всякого другого и кразу один унесет. Он был сильнее всех там в Москве, и вот им там есть не давали. Узнать, кто злой такой. Вот их выморили, а потом дали Рахкулю. Ел немного, а потом выпустили второго силача, тот как увидел кушанье, схватил тарелку от Рахкуля и стал есть. Потом спросили у Рахкуля:

— Почему ты отдал ему тарелки, а сам остался без еды?

А Рахкуль говорит:

— Я сильнее его и уважил его. Я,— говорит,— благ на это, я и потерплю.

Вот он там их всех и переборол.

— Награду ему какую? — царь сказал.

— А мне,— говорит,— ничего не надо, никакой награды, а только озеро, чтобы было подо мной.

И стало тогда Рагнозеро (от Рахкуля). Он там и владел им, и охотился, и рыбу ловил. Там много было набегов разбойников, оны шайками ходили. Как Рахкуль увидит шайку, и всех предаст земли. Ведь тогда оружия такого не было и на силу надеялись.

Когда он раз выходил охотиться, приезжала эта шайка в сорок человек к его хозяйке. Там уже они наверно следили, когда он уйдет в лес. Вот они пришли к хозяйке, а атаман был парень хороший, красивый, хозяйке похвалился и прельстил ее, что вот мы здесь будем жить вместе. Она согласилась. Тогда Рахкуля надо было изничтожить. И вот расспросили тогда они у ней, как нам его осилить, чтоб убить. И вот она им затопила баню в субботу (ее заставили). Вот когда муж пришел, она его посылает в баню, он пошел, а когда пришел из бани, он садился отдыхать, и в это время шайка разбойников входит в квартиру и налетели на него: Вот его тут скрутили, связали веревками, какие нашли, всего перевязали и бросили под лавку. Это было дело наверно по вечеру, так что они легли спать.

Вот атаман пошел спать с хозяйкой, а Рахкуль лежит под лавкой. И вот ночь там лежит скрученный. И вот пошла дочка. Он ее стал

кликать тихонько и сказал, что вот, доченька, принеси нож и переси же веревки, а она не согласилась на это.

Она говорит, что у нас второй теперь есть отец¹

распутал бы веревки и ты нам не отец и ушла. А потом пошел сын семилетний (тот-то может и сжалуется, да срежет ли веревки? Сын дак сын). Он его так же стал тихо звать. Сын подошел, он ему и сказал:

— Возьми нож и переси мне веревки.

Мальчик это и исполнил. Взял пошел, нож нашел и перерезал веревки. В это время ходил он в баню (Рахкуль), подпер дверь бревном (разбойники-то 39 в бане спали, а атаман-то у хозяйки) и зажег (окна-то не было ведь скакать). А баня-то наверно уж где-ни на краю стояла. Никто и не увидел ничего. Потом приходит обратно, веревкам себя опутал, свалился под лавку и лежит (дожидает: сам атаман жив остался).

Вот когда атаман проснулся, встает и подходит к Рахкулью и говорит с насмешкой:

— Ну што,—говорит,—Рахкуль. Какой сон тебе снился сегодня? Вот мне,—говорит,—сон снился, что я мошника убил большово, большово (атаман-то говорит.).

Но тут ему Рахкуль и говорит на ответ:

— А вот я сам видел, што убил я нынче сразу 39 мошников, а соровой остался. .

Тут Рахкуль встает, скидывает веревки с себя и убил он атамана (у той уж верно близко топор был. И никто и не узнал, как он всех и решил —) и жену свою и дочку, а сына оставил. А уж потом дальше не знаю, как он жил.

(Архив Карельского филиала АН СССР ⁸/₉₃)

№ 13

Записано В. Р. Дмитриченко и О. Г. Большаковой
в 1940 г. в д. Римской, Пудожского района, КАССР.
Исполнитель неизвестен.

Про Рагну

Был такой человек — Рахта Рагнозерский. Он был сильный. Он на много саней как-то умел лесу принести зараз.

Вот случилось в Москве быть бою, никто не может там управиться с этим делом, нашего Рахту и водили в Москву. Он там всех победил. Его царь и спрашивает:

— Чем тебя пожертвовать?

А он и говорит:

— Вы мне дайте разрешение безданно-беспошлинно в нашем озере рыбу ловить и чтоб никто больше не мог ее иметь.

Ну, царь, конечно, дал ему такое разрешение. С тех пор и пошло прозвание озера Рагны, Рахты Рагнозерского.

(Архив Карельского филиала АН СССР ⁸/₁₁₅)

¹ Данные в полевой записи неразборчиво.

№ 14

Записано от М. И. Ярышева, д. Пудожгора, Песчанского с/с., О. Г. Большаковой и В. Р. Дмитриченко в июле 1940 г.

Про Рагну

За Рындозером есть деревушка Рагнозеро, 20 километров от Рындозера. А название ее от Рагны пошло — там был один сильный мужичок такой — Рагна. Из деревни той ходили в Москву на заработки — валенцы катали, канавы рыли, шерсть били и на плотники работы ходили, когда Москва строилась. Вот в это время они случились, когда там был кулачный бой. Из московских кулачников никто не мог победить одного варяга (они ведь отовсюду приезжали).

Вот эти мужички и говорят меж собой:

— Вот если бы был тут наш Рагна, он бы победил этого варяга.

Тут всё это слышали приближенные царя и донесли ему об этом. Вот царь приказал поймать этих мужичков и привезти их к себе. Они пришли, пали на колена (испугались, конечно). Царь им предложил садиться и предложил рассказать про Рагну — кто он есть?

— А вот, — говорят, — ваше царское величество, Рагна у нас такой есть, он на себе зараз принесет на семеро дровней весь провиант для полозьев, вязьев, копыльев (это будет около сотни пудов). Он бы мог и этого варяга победить вполне.

Царь этих мужичков задерживал как заложников и послал двух гонцов к Рагны. Когда приехали к Рагны, его не случилось дома, он рыбной ловлей занимался и дровни делал. У него была одна жена старушка, детей не было. Когда ее спросили, где ваш муж, она объяснила, что он ушедши в лес за провиантом для дровен. Им только предупредила:

— Когда придет с лесу голодный, то с ним не начинайте говорить, а то он вам навредит много, а когда покушает, тогда разговаривайте!

Через немного времени из лесу явился Рагна, познакомились с незнакомыми людьми, поздоровался.

У хозяйки был приготовлен обед, он сел обедать. Когда он покушал, послы приступили к нему с допросом, а силу его видели, когда принес на себе дровни. Обратились к нему, что вот, имея такую силу, он должен по приказу Московского царя ехать на кулачный бой. Ну, конечно, он дал согласие (как подчиненный московский) ехать в Москву.

Переночевали у него, утром предложили ему ехать с ними на лошадях.

— Вы, поезжайте, — говорит, — а мне старуха стопит баню, я вымоюсь и на лыжах вперед вас буду в Москве.

И он, действительно, сходил в баню, вымылся и отправился в Москву прямо лесом на лыжах. И на лыжах он почти на полсутки раньше попал в Москву их. Раньше дороги были плохие, а пока там они доехали, а он напрямик через лес на лыжах.

Через день-два состоялся кулачный бой. Он варяга этого победил и даже расшиб совсем его. Тогда царь спрашивает:

— Что тебе надо в награду?

— Ничего мне не нужно, Ваше царское величество, только дайте мне наше озеро в вечное пользование, чтобы никто там и рыбы не ловил, кроме меня, и правов не имел.

С тех пор и пошло Рагнозеро.

Раз ночью напали на него разбойники (они у него рыбу ловили в озере, воровали), так он их всех прикончил, кому руку, кому ногу оторвал, всех покалечил, с тех пор его никто и не трогал.

(Архив Карельского филиала АН СССР $\frac{8}{120}$)

№ 15

Запись А. Д. Сойманова и Г. Н. Париловой от Мишкина И. Ф., д. Велико-Дворская, Каршевский с/с., Пудожского р-на, КАССР, июль 1940 г.

О Рахкое

Опись его читал. Выходил он на поединок из-за красного уголка (городка, што ли) с иноземцами.

— Если я повалю — то наш будет, — говорит, — а если он — то ваш. Грозный царь послал в Рагнозеро, а он был в лесу.

Хозяйка спрашивает:

— Зачем пожаловали?

Они сказали. А потом она говорит:

— Придет домой, ничего не говорите ему, покуда вас не спросит.

Идет Рахта, на семь дровней несет копыльев, вязьев, кинул — избенка встряхнулась. Большуха накрывает стол, пообедали. Взглянул на послов:

— Об чем, добры люди, пожаловали?

— Грозный царь просит вас в Москву.

— Через семь суток буду.

Семь суток дома прожил и на лыжах сошел в Москву. (Я и картинку видел.) Царь спрашивает:

— Конный, или пешим, или гужом шел?

— Пешим на лыжах шел.

— Дать три дня отдыху!

Три дня прошло. Ну, теперь на кулачный бой, кинули жребий, кому первому стоять. Выпало Рахкою стоять. Стой как пень! Ударил его в грудь — кровь со рта и носа полетела.

— Дайте омалтаться¹ часа два!

Прошло два часа.

— Ну, как себя чувствуешь?

— Дайте час еще!

Через час пошел на бой. Иноземец стоит как пень. Рахкой треснул ему в висок, голова и полетела. Государь одарил деньгами:

— А что тебе еще?

— Дай мне безданно-беспошлинно рыбу ловить в Рагнозере.

Это действительная былина.

О Рахкое слух носился, картины были на стене, как он идет на лыжах.

(Архив Карельского филиала АН СССР $\frac{8}{49}$)

¹ Опомниться.

II

Записи предания на русском языке студентов
Московского университета в июле 1957 года
(Экспедиция под руководством Э. В. Померанцевой)

№ 16

Записано от Леонтьева Петра Яковлевича, д. Гумарнаволоок, Пудожского р-на, в июле 1957 г., 64 года, грамотный.

Рах Рагнозерский

Это в старое время было, в Ленинграде. Приехал, значит, из Англии борец, силач в общем. И вызывает, значит, что есть ли у вас такой богатырь, чтобы со мной бороться. Нашему царю предъявляет. Вот царь дал приказ по всему государству, чтобы выписать борца; в общем, на поединок чтобы мог выйти. Ну, и попало это дело сюда, в Рагнозеро.

Вот, сельсовет тогда вызывает в Куганаволок,— тогда в Куганаволоке было правление, а рагнозеры были нашего сельсовета, Куганаволокского. Ну, значит, Рах Рагнозерский изъявил желание съездить в Ленинград, побывать. Вот, тогда сообщают, конечно, царю, что изъявил желание. Царь тогда посылает сюда генерала за ним, чтобы увезти его. Вот, генерал приехал, значит, на подводы в Рагнозеро, на лошадей. Снег уже выпал. Парой приехал, чтобы увезти этого Раха в Ленинград (тогда ведь дорог железных не было).

Вот приезжает генерал в деревню Рагнозеро и спрашивает:

— Где здесь,— говорит,— Рах Рагнозерский?

— Да есть,— говорят,— такой, здесь стоит, а самого нет дома.

Ну, деревенская баба увидала генерала, немножко острашилась, что приехал в таких погонах золотистых.

— Дак скажите,— говорит,— гражданин, на что он вам нужен? — жена спрашивает.

— Да в общем, приедет сам, я поговорю. Нужно,— говорит,— царю.

— Так его,— говорит,— не знаю, как титул ваше, его,— говорит,— дома нету, ушел в лес. Ну, наверно скоро будет из лесу.

— А чего он ушел в лес?

— Он,— говорит,— занимается мастерством, дровни вяжет. Есть-то как-то надо. У нас,— говорит,— здесь заготовки, дровни нужны.

Вот жена наливает самовар.

— Уже время-то. Должен,— говорит,— скоро прийти.

Посмотрела в окно и говорит:

— Вот и идет.

Генерал:

— Где,— говорит,— покажите.

— ...А вот, мол, там, видишь?

Лес, как остров, поднялся.

— Так там,— говорит,— не человек.

— Нет,— говорит,— человек катится на лыжах, везет материала на дровни, на сорок штук: полозья, копылья, вязье, нащепы, одним словом, на сорок штук дровен.

Он посидел у окошка и головой пошатал: как остров, столько у него навалено на плечи.

Прикатил к дому, дак ажно дом задрожал! Это с плеч бросил на землю. Лыжи сынок сдернул, захватил за угол хату и сунул туда.

Значит, никто не унесет. Заходил Рах Рагнозерский в помещение, поздоровался с этим:

— Здравствуй, гражданин.

(Ну, мужик деревенский, не знает тут ни титула, ничего).

Жена подняла самовар на стол и принесла три буханки хлеба. Пока Рах пил три стакана чаю и три буханки хлеба съел. Генерал смотрит. (Вот, аппетит был у старика!)

Посматривал генерал, глядит долго на него, любуется, а он еще два выпил, без хлеба хотя, а выпил. Когда вышел из-за чаю, генерал и говорит:

— Ну вот, Рах Рагнозерский, я приехал на пары лошадей за Вами. Вам было извещено у царя и сельсовет известил. Приехал заграничный силач, ищет поединков, померяться силой, выйти на поединок. Ну, как вы изъявили желание, так я и за вами приехал.

— Я,— говорит,— согласен, да только Вам меня не увезти. Пары лошадей делать нечего.

— Ну, я могу,— говорит,— нанять и тройку.

— Все равно не уехать; и на тройке не уехать.

(Вот силач-то какой.)

— Ну, вот что,— говорит генералу,— Вы поезжайте, я за сутки буду там, на лыжах приеду.

Он говорит:

— Семь дней ехать!

— О,— говорит,— так я вперед вас попаду.

— Ну, дак вы,— говорит,— торопитесь, я на свое число буду.

Ну, и прожил он пять дней—пусть генерал съедет, семь дней пройдет.

Ну, и вышел Рах Рагнозерский, смазал свои лыжи. Пришел тот день, что ему нужно отходить, ну и пошел.¹

Когда он уже прибыл в Ленинград на лыжах, обращается—к дворцу прикатил. Там, значит, часовой стоит.

— Кто вы,— говорит,— такой?

— Я есть Рах Рагнозерский, прибыл по приказу царскому. Какой,— говорит,— здесь иностранный хват приехал, ищет выйти на дуэль, так вот я изъявил желание посмотреть этого иностранца, что он за человек.

Ему, конечно, отвели помещение. Ну, там доложили.

— А вот мне,— говорит,— лыжи надо убрать.

— Так вот лыжи Ваши мы уберем куда-нибудь.

— Нет, этого мало.

Пятиэтажный дом стоит рядом. Он подходит, берет за фундамент, взял и сунул лыжи туда, под дом. Этот часовой стоит и думает: «Пятиэтажный дом одной рукой поднял».

Вот, на второй день, значит, приехал иностранец. Значит, требует:

— Давайте, я приехал измерить силы. Найдется,— говорит,— в России такой человек, который мог бы со мной справиться.

Вот, когда уже приводят Рахка на дуэль, где уже нужно им бороться-сходиться, то этот молодец-бахвалец стоит, хвастает:

— Ох, мол, знаешь, ха-ха-ха, я ему сейчас покажу. Я,— говорит,— все государство объехал, а тут деревенского какого-то мужика поставили. Ну, не знаю, что русский мужик со мной справится.

Рах Рагнозерский посмотрел на него немножко так:

— Рано,— говорит,— молодой человек, бахвалишь! Попосле,— говорит,— будем рассуждать.

¹ Прасковья Егоровна Леонтьева здесь вставила: «И парня в кошеле понес».

Ну, стали сходиться два молодца. Рах Рагнозерский раздевает себя, а одна рубаша домотканная, крепкая (раньше, знаешь, в деревнях ткали, дак своей работы). Вот, значит, захватил Рах Рагнозерский его в свои руки и говорит:

— Ну что,— говорит,— если подниму, да на этой панели тебя хлопну, то один пепел от тебя останется.

А царь уже стоит, вся свита — полно, раз на дуэль выходят.

Обращается Рах Рагнозерский, хоть деревенский мужик, к царю:

— Дак вот,— говорит,— Ваше величество, вы дайте мне такую бумажку, что если я, в крайнем случае, его не сдержу и убью, дак мне не отвечать, если что получится, несчастный какой случай, если не выдержит моего, в общем, удара.

Но когда он получил этот документ, тогда подходит.

Схватились.

— Как,— говорит,— желаешь бороться, на одну ручку или в обхватку?

— Я,— говорит,— всяко умею.

Обнял его, значит, Рах.

— Ну, бери,— говорит,— а то жди меня. Ну, давай,— говорит,— начинай!

Он было взял Раха Рагнозерского — ни поднять не может, ни пошевелить не может, — брызгун, который хвастал.

— Ну, значит, что, все? Ну,— говорит,— все слушатели и зрители, смотрите, как русский Рах будет поднимать, деревенский мужик Рагнозерский.

Все глаза-то опили, смотрят на этого несчастного хвастуна.

Рах его как поднял, как не сдержал, бросил об землю — сразу на смерть. Тут все закричали. Значит, погиб, ну и отвоевался, богу душу отдал. Тут его прибрали и сообщили туда, за границу: на дуэли, значит, ваш боец погиб от сильного удара, потому что рано похвастал, Рах его поднял и не сдержал, так его потрянул, что у него все легкие отскочили к черту.

Ну, царь его, конечно, поблагодарил и дал ему такое поощрение: Раху Рагнозерскому свободно, значит, леса, свободно, значит, земли брать; снял все налоги, наградил еще деньгами за это, что он погубил иностранного хвастуна.

Ну, вот теперь, в настоящее время, распростился Рах Рагнозерский с Ленинградом, стал опять на свои лыжи и за полсутки вернулся домой к жене с деньгами. И вот, в настоящее время живет. Только по просьбе, если государь затребует куда, приезжает. Вот, какую имел Рах Рагнозерский силу.

№ 17

Приведенный ниже рассказ жены П. Я. Леонтьева — Прасковьи Егоровны, вызван предыдущим и является как бы его дополнением. Слышала его П. Е. до замужества в родной деревне — Казнаволоке. Сейчас ей 62 года, неграмотная.

...Сидит этот мужик под окошком и говорит:

— Какой-то остров шевелится.

А она говорит:

— Мой,— говорит,— урод идет. Он,— говорит,— ходит в лес, а по пути носит на дровни.

На трое дровнев принес полозьев и это все.

Старик-то говорит на сорок, а это на трое. Ну, пришел, да это все бросил на улице, а избу приздынул и лыжи под избу клал.

Его баба хотела решить. Я забыла, как тут. Попросила мужиков, его напоила пьяного, попросила мужиков, чтобы его связали. И вот она мужикам говорит, чтобы его связали. Его связали. Он и купался в одно время. Он силы набирался, когда купался. И вот, его связали, чтобы он не ушел, не купался. И вот он бессильный будет.

А этта парень все выслушивал-то его. И ему сказал парень (был на третьем году али на четвертом). Мужикам этим сказал:

— Уйдите в байну, а то он вас убьет, если выйде с веревок.

А парень отцу сказал и этого отца развязал тихонько, мать когда свалилася спать. И отец вышел с веревок и пришел в байну и сдернул потолок. Схватил за верхушку и сдернул потолок. И этих задавил всех, которые его ладили сохранить, чтобы он не выкупался. И сам выкупался. Ну и потом пошел в Москву, парня в кошель клал. В кошель парня унес.

В Москву пришел да взял рыбы мороженой да хлеба три мякушки, да в пазуху клал, да с пазухи достават да ест.

Ну, ему и говорят:

— Дедка, у нас столовая есть, дак ты что туда не идешь?

— А мне хорошо и на завалянке. Я сам не городской, я Рах Рагн-озерский.

(— Подите в Рагнозеро, дак там расскажут,— добавила рассказчица).

№ 18

Записано от Алексеевой Марии Яковлевны, д. Рагн-озеро, Рындозерского с/с, Пудожского р-на, КАССР, в июле 1957 г.

Давно это дело было, слыху не надо.¹

Вот мы двор ровняли, дак один край высокий, лытки были, черепа, кожа от ботинок была на ногах. Работник был, эти черепа вешает на забор. Бабушка ругает его:

— Глупое брюшко, что ты делаешь, это убитые Рахколой сорок разбойников!

(Через полчаса М. Я. Алексеева рассказала о Рахте, что знала).

Эти сорок-то разбойников пришли к жене его. У их был сын, может быть, дочь была, я не знаю.

И вот, эти разбойники стали к ей даваться в любви. Она никак. Тогда они стали спрашивать:

— Расскажи: когда он будет бессильный?

Она и сказала:

— Как байну вытопишь, он станет бессильным.

Как они байну вытопили, он в байну сходил, ёны вот и пришли.

Пришли, а он сидит, чай там пьет или что.

Они ходят по фатере. Старший там и говорит:

— Ребята, мне сегодня такой сон снился, что я,— говорит,— мушника² большого поймал,— смеется над им.

¹ Начала М. Я., когда разговор зашел о Рахте Рагнозерском.

² Тетерев.

А он сидит за столом:

— Тебе один мушник попал в пасть, а мне,— говорит,— сорок мушников.

Потом они на его напахнули, связали, под лавку кинули.

С его женой сели есть да пить, да любоваться, да красоваться.

Потом он говорит:

— Жена, подай-ка ножик. Рассеки у меня веревки.

Жена не подават.

Он опять командует:

— Подай ножик.

А жена не подават. Опять просит ножик, она не подават, она боится выстать.

Потом все цю попили да в байну ушли, мужики.

Он говорит:

— Сын, подай-ко ножик!

Сын подал, он как маленький был, кое-как перепилил веревки-то, и потом ён выскоцил, жену ету схватил да убил, что уж она, жена, нахальная стала с има. Жену убил, потом выбежал с фатеры, на ету байну скоцил, да топнул, да этих всех сорок мушников задавил в байне. Потолок пал да и задавил всех.

А он остался с сыном жить.

№ 19

Записано от Алексеевой Елены Ивановны, д. Рагнозеро, Рындозерского с/с., Пудожского р-на, КАССР, в июле 1957 г.

Был у нас в деревне богатырь Рахкой, ходил он в Москву бороться обыдёнком. Придет в Москву, угол дома повздынет и лыжи туда сунет. У его была жена и сынок и дочка. Вот, с им тут таких не было богатырей. А там было только сорок богатырей-разбойников. Богатыри или нет, а один-то верно богатырь был. Эти разбойники узнали Рахкою и пришли, как бы его убить надо им. А он в это время где-то находился, не дома был. И вот этот самый старший атаман к его жонке зашел на угощение, ночевал уж или нет, не знаю.

У жены-то и спрашивает:

— Когда же твой Рахкой бессильный бывает?

А она сказала:

— Когда он в байну сходит, на парное тело бессильный бывает.

Потом этот атаман усмотрел время такое, когда он пойдет с байны, дак в это время его захватить.

Приходит Рахкой этот из байны, дак он привязал его к лавке ли, к столбу. А тридцать девять разбойников тых в байну зашли.

Атаман етот вышел с комнаты, потом у его и спрашивает:

— Я,— говорит,— сегодня видел сон, будто мушника в пасть добыл. Рахкой и говорит:

— А я,— говорит,— видел сон, дак тридцать девять мушников задавил. (Он ведь догадался, что разбойники в байне, не знаю, каким манером, того не стану манить, но догадался.)

Потом этот атаман туды ушел, к жоны.

А дочь была постарше сына, бают. Он говорит:

— Подай-ко ножик,— дочери-то, а дочь не подала, убежала туды в комнату. А сын поменьше дочери. Он говорит:

— Ванюша, подай-ко мне ножик.

— Папа, как же я подам, у меня рука не жватает.

— А встань,— говорит,— на стол-то да со стола-то ножик возьми на воронце.

Ну, и Ваня выстал и ножик-то подал с воронца. Ен эты канаты пересек да пришел туды, в комнату—они там долго угощались. Ен взял, етого атамана убил, жену убил, дочку убил, одного сына оставил. Потом на байну сошел, на потолок выстал и всех разбойников, как комаров, раздавил.

В Москву он будто бы бороться издил на лыжах. Дома мог возить на двенадцать дровен материалов из лесу—полозьев, копыльев навяжет на двенадцать дровен. Вот какой сильный был!

В Москвы там-то его царь призвал к себе.

— Ну, что тебе,—говорит.—Как ты живешь, Рахкай?

— Да вот,—говорит,—живу, маленьку рыбку ловлю, так и питаюсь,—говорит.

— Что же тебе еще надо?—говорит.

— Надоти, вот я ловлю рыбку, дак чтоб с меня налогов не брали.

Потом царь сказал:

— Ну, лови с богом рыбку, никто с тебя не будет пошлины брать.

Елена Ивановна совместно со своим мужем Александром Ивановичем твердо настаивала на том, что Рахта Рагнозерский действительно существовал. Для доказательства были приведены следующие «документы»:

У нас сгорела деревня,¹ тридцать домов сгорело. Потом как стали строить вновь, тут один дом подошел на косогоре строить. Этот мужик стал двор подкапывать, ровнять. Копал да был, один край метра на полтора вырыл, в этом глубоком-то краю много выкопал человеческих чаш, черепов-то, и таки штиблетики с фистонами и лытки.² Век никто не помнил в нашей деревне, чтобы здесь кладбище было. Да уж этому кладбищу там, может, триста лет было.

Потом остров за три километра, там поляна четыре гектара, тоже могильные полосы назывались и выпаживали тоже человецьи костья, лытки. Тоже памятников нет никаких. Настоящее-то кладбище там было, на острове, там много выпаживали чаш человеческих, рук, ног.

Ну, а тут-то, должно быть, разбойники были, которых Рахкой убил.

Потом еще в Черном Наволоке,³ на самой этой поляне, на носу—назывался Овинный нос—были там ровницы⁴ выкладены, знать, большое жилье было. На том боку, видно, был овин. Говорили, что это Рахкоя жилье.

¹ Как удалось выяснить, пожар был в самом начале века—в 1901—1903 гг. На том же месте была распланирована новая деревня—улицей.

² Кость ноги от колена до ступни.

³ Метров 80—100 от северного края деревни.

⁴ Груда камней.

№ 20

Записано от Зуева Михаила Ивановича, д. Рагнозеро, Рындозерского с/с., Пудожского р-на, КАССР, в июле 1957 г.

Почему зовется деревня Рагнозером

Жил-был Рахка-богатырь в деревне. Очень большую силу имел. Ну, и государь его несколько раз вызывал это бороться в Москву, узнавал его силу. Он придет — там богатырей держал царь в крепостях. Он там этих богатырей переборет ихних всех. Царь ему, значит, в награждение в первый раз дал кафтан серый, ну, и спустил его домой. А сам роту солдат впереду послал.

— Подьте, — говорит, — отнимите у него кафтан.

Ну, а он такой малой был:

— Раз вам надо, — говорит, — нате, мне не жалко!

Взял, кафтан скинул:

— Нате!

Второй раз таким же награждением дал царь рукавицы. Таким же поводом (поводом) опять сделал: опять послал солдат, чтобы отняли у него рукавицы.

На третий раз там он выбрал, кушать ему не дал и посадил голодного на трое суток в подвал. Он оттуда вышел и, конечно, очень сердитый и голодный. Он там кушаний разных приготовил на стол, чего ему угодно кушать, а сам опять круг стола солдат поставил, опять ложку у него отнимать, не давать кушать.

Он все-таки очень голодный. В одной руке ложка, а другой рукой махнет — их там целый десяток улетят, потом ложку перехватит другой рукой — и покушал, что ему хотелось. Все-таки наелся.

Царь пришел, ну и говорит:

— Ну, что тебе надо за это за все? Скоко тебе денег, — говорит, — надоть?

А он говорит:

— Мне ничего не надо, кроме того, что дай под мое распоряжение озеро Рагнозеро, чтобы я им распоряжался!

Ну, и стал жить. Уже женился, жена была, двое детей стало. Дочке восемь лет уже было, сыну четыре года было. Ну и вот, занимался охотой, рыбной ловлей, хозяйством своим жил.

И тут откуда-то взялись сорок человек каких-то панов, разбойников прямо. Ну, и один старший, атаман из этой шайки, полюбезничался с его жонкой. Жонка очень хитра, стала у его испытывать, что когда живешь бессильный. Он долго не говорил ничего. Ну, а потом уже не мог отперетися. Говорит:

— Вот, когда я схожу напарюсь, тогда я слабый бываю.

Он ушел на охоту, жонка сразу же байну приготовила, сама сошла туда пар подливать ему. В это время там с этыма договорилась, и они его уже в своем том доме дожидает. Он в байне, а они его там ждут, что когда придет с байны. Он напарился, пришел домой, а у их уже веревки приготовлены. И цоп его со всех сторон.

Досюль у нас старинные печки были, коник¹ такой был на ошостке. И к этому конику его и привязали веревками и придрапали. Ну, и к окошку его привязали, воронец такой был.

¹ Коник (или койник) — «широкий прилавок у двери в крестьянской избе, где спит хозяин» (Даль).

Жонка тут чаю попила, поужинала и с этим полюбовником в другу спаленку, значит, ушла спать. А он, значит, в веревочках. Тут сидит один, привязан. Проснулася, значит, около середи ночи дочь и пошла. Он и говорит, что там назвал:

— Маня, не можешь ли ты достать ножика?

Но она зарычала очень:

— Если я новому папеньке скажу, там он тебе даст ножик!

— Ляг, ляг, ляг, только не шуми, спать, бажона.

Потом проснулся сын, четырех лет.

И отец говорит:

— Ванюша, не можешь ли ты вот ножика достать?

Парень-то забегал:

— Эх, папа, ножик-то на воронце, да рука никак не хватает.

Отец и говорит:

— Поддержи,— говорит,— стол тихонько и со стола,— говорит.

Парень стол подпернул — и все не хватает. Потом клал табуретку ише. И нож достал.

Ну и отец говорит:

— Вот, Ванюша, пили-ка давай, пили в этом месте.

Ну и одну прядку там распилили.

Он понемножку все расхлббал, освободился, вышел из веревок.

А эты паны, этот старший атаман спит с его женой, а остальные тридцать девять человек спали на берегу в байны.

Он сейчас сходил на берег, выкупался, чтобы сила, видно, была на месте егова. И припал плечом, эту байну пихнул в воду.¹ Всех тридцать девять этых он задавил в байне там. Ну, и пришел опять на свое место, будто бы нигде и не бывал. Опять сел, припутался старо-по-старому и сидит. Поутру жонка очень рано встала, горшок масла принесла, счас печь затопила, блинов деревенских навела латку, но и будит своего полюбовника:

— Но, вставай, давай горячих блинов исты!

Тот выстал, омылся, за стол сел и подсмеяется этого Рахкого.

— Но, каково,— говорит,— Рахкой, спалось тебе ночесь?

— А мое,— говорит,— спанье: веревка,— говорит,— дак како тут!

— А мне,— говорит,— дак хорошо спалось с твоей женой,— говорит.

И хорошо,— говорит,— во снах виделось, что матерой-матерой глухарь на тропы летал. И приснилось, что ночесь в пась (пасть) попал.

А он на ответ и говорит:

— А я тоже немножечко вздремнул. И тоже,— говорит,— любитель был по пастям и силам ходить. И приходилось, что попадалось по три тетерки, по четыре косачка,— говорит,— попадало, а в ночесь,— говорит,— приснилось, как будто бы тридцать девять,— говорит,— попало.

Тот как в окошко морду бросит, а там байна-то лежит кверху дном. И был меч-самосек у этого. Только хотел побежать в горницу за им, а ен уже подготовился наготове, вскочил и ударил святым кулаком по проклятой шее. И тут его только одна копия осталасе. Стал, все это тут покушал, поел и принес плашину лучины очень толстую. Жену на этой плашине разрезал на куски и дочь тоже. А сына — такой был большой кошель — клал в кошель и сам куда-то ушел без вести.

¹ «Ведь он не в воду пихнул, а потолок сронил», — сказал братан Михаила Ивановича.

М. И. Зуев добавил потом:

— Тут Рахкой-богатырь основался. Жил он сперва один тут, а потом и деревня завелась... На острове первы люди пахали, кресты выпаживали. Говорят, был погост, а кто его знает.

№ 21

Записано от Филимоновой Анны Егоровны, д. Рагнозеро, Рындозерского с/с., Пудожского р-на, КАССР, в июле 1957 г.

Про Ракку Кибитских¹ мать пела, про Ракку Рагнозерского, что ён на семь дровен сразу носил материалу. В Москву его брали бороться. Дак он пришел, да под угол плечом подвалился, да лыжи свои обрал с палкамы. Потом он в Москву ходил, его бороться туда вызывали-то, там был богатырь. Наверно, этого богатыря не тяжело показалось побороть.

Пока он ходил, здесь было сорок разбойников в этой деревне, так говорили, его жена с одним разбойником связалась. А он пришел — ему сказали. Ён встал на потолок да двумя ногами топнул, да потолок пал и всех сразу убил. Он сорок человек убил этих разбойников.

Пришел домой, хочет жену свою убить, а жена его взяла вином напоила. Вообще, он напился пьяный, и хотел жену убить. Было сын да дочь у его. А жена сначала смолилась, а потом он заснул. Она хотела его притомжить (задавить). Связала. Ён стал просить, чтобы дочь подала ножик. Дочь ножика не подала, подал сын, ён веревки перерезал и обеих с дочерью убил: жену и дочь эту.

...На середки деревни дом, говорят, на том месте разбойники жили. Что говорят, черт знат, может, совсем и неправда...

...Это я от матери, конечно, слыхала и от дедка, матеиного отца. Ракка Прокинского поколения был, фамилия ему такая: Прокин. Прокин — фамилия у нас такая и моя фамилия девичья такая. Это мать рассказывала.

(Мать А. Е. Филимоновой известная сказительница Зуева А. Г., от которой в 1928 г. был записан В. И. Чичеровым, С. П. Бородиным и Ю. А. Самариным стихотворный текст «Рахты Рагнозерского». Девичья фамилия Зуевой А. Г. — Прокина.)

№ 22

Записано от Дмитриева Михаила Осиповича, д. Нефедовская, Рындозерского с/с., Пудожского р-на, КАССР, в июле 1957 г., 52 года, грамотный.

Называли его Рахта. Это былина такая. Этот Рахта жил в Рагнозере и близ этого места. Во-первых, он выделялся чем: он за трое сутки мог ходить в Москву бороться, на лыжах, между прочим. На лыжах за трое суток. Обладал такой силой, что идет-идет, придет в населенный пункт, дом приздынет, лыжи подсунет под угол и ходит. Это его особенности были.

¹ На вопрос, что значит «Кибитских» — А. Е. Филимонова ответила: «Ракка Кибитских потому, что он порной был, сила большая была». Больше мы ничего не добились.

Когда он прибывает в Москву, ну там борется. Он специально бороться ходил. Его никакой борец, никакой силач не мог его обороть.

Однажды государь его хотел узнать:

— Раз Вы такой сильный, дак имеете ли злость?

Вот он пришел, выборолся там, всех поборо, кто ему там представлен, и государь ему три монеты дал, но какие там монеты, какие купюры, этого не сказано, но факт то, что три монеты дал и отправил его обратно. И вслед за ним послал трех солдат отобрать эти монетки, как он на это будет реагировать. Солдаты его догнали и предъявили, что вот, государь нас послал. Он вынимает из кармана и подает, раз ему жалко стало, так нате, возьмите!

Но все-таки у государевых руководителей не все видели, не все убедились, что он такой сильный. Один собирается и прибывает к нему туда убедиться, что он такой силач. Пришел, а его как раз дома не было. У жены спрашивает:

— Где ваш муж?

— В лес ушел.

А потом взглянет в окно, а он по озеру идет.

— Вон,— говорит,— он там идет.

Он глядит, глядит, да доглядеть и не может.

— Да где же,— говорит,— там не видать?..

— Да как не видать! Вон,— говорит.

— Да что ты,— говорит,— показываешь мне. Тут же остров.

— Да не остров, а мой муж идет. Он идет и на семеро дровней материалу, полностью, начиная с оглобли и кончая копылком.

Так вот, этот человек не мог разобрать, что остров, что человек. И не смел его дожидаться до места, ушел обратно.

Через некоторое время около Рагнозера появились разбойники. Сорок человек, во главе которых был один пан (так назывался). И когда Рахта уходил на работу или на охоту, он познакомился с его женой. Ну, и стал жить. Напасть, убить его он не смел, что им, сорока человекам с им не справиться, а все пытался у жены и просил ее узнать, что бывает ли такой период, когда он малосильный бывает. Рахта этого секрета долго ей не говорил. Но в конце концов сказал:

— Я,— говорит,— только бываю малосильный, когда,— говорит,— с Вами сделаю половое сношение и не обдамся водой. В это время я малосил бываю.

Когда он сделал с ней сношение (а была раз договоренность, они были кругом дома), и она выскочила в сени и сказала:

— Вот теперь он малосил!

Разбойники заскочили в дом и связали его, скрутили, привязали к столбу.

Эти разбойники помещались в бане по ночам. А этот пан с его женой ушел в спальню, туды спать. Было двое детей у его: сын и дочь. Дочка была постарше, а сын помладше.

Когда они ушли туды спать, дети повыстали и бегают тут по фатеры, по квартиры.

Он говорит дочери:

— Слушай-ко, доченька. Вот на столе лежит нож. Возьми этот нож и руби,— говорит,— мне веревки.

А дочь отвечает:

— Да,— говорит,— я как пойду, скажу новому папе, дак он тебе покажет, как рубить веревки!

Он тогда стал просить сына:

— Но-ка,— говорит,— сынушка, ты давай помоги папке. Давай, возьми ножичек.

Но сын был еще маленький, со стола ножика еще достать не мог. Он подсказал, что вот там, говорит, лежит палочка, этой палочкой и спихни его на пол. Он его научил взять ножик и стал рассказывать, чтобы перерубить веревки. Ослабило ему руки, ну, он, этого, перерубил в нескольких местах веревку, где была необходимость. И он взял нож сам и вырезал веревку, когда он освободился и сходил на берег, выкупался и попутно взял да толкнул, пѣхнул эту баню и всех тридцать девять разбойников в бане убил.

Пришел домой и сам себя припутал веревками к тому же месту, где он был привязан. Пан наспался с женой и выходит. Спрашивает:

— Ну, что тебе, Рахта, снилось?

— Ничего,— говорит,— мне не снилось.

— А мне,— говорит,— дак снилось. Вот,— говорит,— матерый-матерый коршун летал по моей тропе и в конце концов попал в сило.

— Да,— говорит Рахта.— Это-то и мне снилось, что мне в одну пасть тридцать девять глухарей попало сразу, а сороковой глухарь вот-вот, должен попасть.

Этот пан хочет его тут казнить, он как смахнул рукамы, тяпнул и того прикончил. Прикончил жену и дочь, а с сыном стал жить дальше.

II

Записи предания на карельском языке из архива Карельского филиала АН СССР¹

№ 23

Записано от Пометовой*Р. Н., Видлицкий с/с.,
Олонцкого р-на, КАССР, Николаевской А. в 1936 г.

Siä oli vägevy mies. Häi stroi koin djogi randah. Hänelleh on kaksi lapsii: tyttöine da brihаччуine. Häi päivikse käybi raadoh i emändäl pripevalччоо: „Älä käy randah vastaa kastamah“. Häi gu menöö vastaa kastamah i lykkää vastan ala virdah. A siä eletäh 12 rozboiniekkaa. Ne gu kacotah: vastu tuli, ga i smletitäh: täs on kus gi eläjää. Dogadittih, kus on eläi. A se oli vanhin ylen viizas. Verkkoloih i sal muchoin i kyjelöö; kui tiljustettih, што hänel ukko on vägevy. A hyö kysytäh, vie go vois kui händy voittaa. „Voibi, gu häi tuloo kylys, ylen zadorno kylböö i gu kylys lähtöö, pihale vteröö, sille algaa gu voinetto voittaa.“ Emändy kylyn lämmitää. I ukko lähtöö, kylyn kylböö i vieröö pihal sellälleh. Hyö hypätäh i nuorih händy sivotah da pertih viijäh, da рачча- hah sivotah i 11 hengee niilöis riheh. Мужикку duumalччоо: nygöi propadin. Uuzi iжändy rubee emändänkel maate. A se i kiçittää: „Tule maate.“ A hänel on ylen paha mleli. Gu ulnotah, ga hänel on tyttöine da brihаччуine. Tyttöine i havaччуu. Häi sanoo tyttözel: „Tuo veičči da hiçuta poikki nuoru.“— „Ahaa, gu uvvel tatale sanonen, ga et sinä njamien (?) tuo.“ — „Olgah, tyttäreni, viere maate.“ Häi maate vieri. Havaçul brihаччуine. Häi sanoo: „Ota veičči da hiçuta tatale nuorat ääre.“ Brihаччуine otti dai leikkai nuorat. Sal poikki, ga i pääzi välljäl. Meni riihen ukse, pani pöngön i iče nouzi yläh. Otti siä riihen laen

¹ Тексты подготовила к печати и перевела на русский язык В. И. Кийранен.

purgi i kai 11 hengee sinne daavi. Tuli djärilleh da nuorat djärilleh valehel sidoi i seizoo endizes tilas. Huondeksel uusi rozvoloin päälikkõ kysyy: „Hyvä go oli maata? — „A ničevoo, hyvä oli. Daa,— sanoo häi,— mittuman unen. Gu minun puzuh oli mennyt 11 tedree i kai sain kiini.“ Otti dai ozutti sille omassah dovarishat, kui daavi da hänen ičen tapoi. Emändän dai tyttären hävitti. Brihachunkel djäi elämäh.

Жил был сильный мужик. Он построил дом на берегу реки. Двое детей у него: дочка и мальчик. Он уходит на целый день на работу и наказывает хозяйке:

— Не ходи на берег веник замачивать.

Но она пошла веник замачивать и уронила веник в реку. А там живут 12 разбойников. Они увидели: веник плывет и догадались — здесь кто-то живет. Догадались, где живет. А старший у них очень умный был. Поймал в сети молодую жену и когда узнал, что у нее муж очень сильный, спрашивает, можно ли его победить.

— Можно, когда он в бане попарится, пойдет во двор отдыхать, тогда можете его победить.

Хозяйка истопила баню. Муж пошел в баню, попарился и лег во дворе. Разбойники вскочили и его веревками связали, привели в избу и привязали к столбу. 11 человек в ригу ушло. Мужик думает: «Теперь пропаду!»

Новый хозяин ложится спать с хозяйкой, которая его позвала. Очень плохое настроение у мужика. Ну, заснули, а у мужика есть дочка и сын. Дочка и проснулась. Он говорит дочери:

— Принеси нож и разрежь веревку.

— Ага, скажу новому отцу, ты сам не возьмешь.

— Ладно, дочка, ложись спать.

Она и легла. Проснулся сын. Он и говорит ему:

— Возьми нож и разрежь на отце веревки.

Сын взял и разрезал веревки. Освободился мужик. Пошел, задвинул засов на двери риги, поднялся, снял крышу с риги и передавил 11 разбойников. Пришел обратно, веревки повязал и встал по-прежнему. Наутро атаман спрашивает:

— Хорошо ли спалось?

— А ничего, хорошо. Да я,— говорит,— и сон видел. 11 тетеревов попало в мои силки, всех поймал.

Тут он дал ему понять, как его товарищей передавил, и убил самого атамана. Хозяйку и дочь уничтожил. Остался с сыном жить.

(Архив Карельского филиала АН СССР ¹³⁴/₇₀₄)

Nu on krestjuanu mužikku, hänel on mučoi da kaksi lastu: yksi on poigulapsi, toine tytär. Elos on ravei, eläy spravno i yheksän mužikan vägi on. Häi lähtöy меччäh. Мечäs dogadiu viizikymmen yhten bieglain. Tulou ehtäl kodih, ruvetah ildastu syömäh, emandälleh sanou: „Djogi rannas elämmö, älä vastu golikkoloi da kegälehii lyki djogeh.“ Emändäh sanou: „Mindäh?“ — „A muga,— sanou,— älä lyki.“

Muatah yö, huondeksel ižändy zakussiu i lähtöy меччäh. Emändäh lykkiy golikot vedeh i kegälehet, a bieglöit piävytäh djogirandah istumah, pengereh. Yksi bieglöi i dogadiu, toisile sanou: „Kачо,— sanou,— djoves kegälehty kulgou, on kedä tahto ylähämpäi eläjiä. Hyö lähtietäh ylähpäi nouzemah. Tulou taloi, gu namasteri. Viizikymmen bieglöidu mennäh riieheh, brihačchine каччou (Brihačchu on seiččevuodine). Yksi mies tulou pertih. A mies on шогoli, kuvven мужikan vägi hänel on. Muchoile sanou: „Et go minun kera rubies elämäh?”. Muchoi sanou: „Hos i rubiezin, rouno olisit luondaine, parembi, ga ylen äijy on vägei minun ukol. „On go,— sanou,— ylen äijy?” — „On yheksän мужikan vägi,—muchoi sanou. „O, äijy on sid gi! Vie go mil vägi puolenou ukollas?” — „Puolenou,— sanou,— gu räkes kylys kylböy da lämmäl viel valah. Kuni on rungu hiilavu,— sanou,— sid on vai yhten мужikan vägi.” — Sid,— sanou,— lämmitä kyly, äski piäzemmö myö sinun kere elämäh.”

Kylyn lämmitäy muchoi. Tulou ehtäl ukkoh kodih, kätty andau sil miehel, yöniekal. „Ižändy,— sanou,— akan lubah tulin täh pertti, ga et go yökse laskis?” Ižändy sanou: „Magua, ristikanzu”. Akkah sanou: „Lähtizit, ukkorukku, kylyh.” A ižändy sanou: „Endjo tänä ehtän lähte”. Akkah sanou: „Älä lähte, syvyzilmois kävelet sie. Läkkä,— sanou,— kylyn lämmitiin räkäkse, havvutat ehki luupalazii sie”. Ižändy sanou: „Voibii lähtie.” Mennäh hyö kylyh, ruvetah kylbemäh, akkah löylyy vali ylen äijän, мужикку kai djuovuu. „Lähten,— ižändy sanou,— djoves kezoin kylven”. Emändy sanou: „Lähte syvysvedeh sinne, pie,— sanou,— lämmäl viel valatan.” Emändy valattau, чydj vai мужикал rungu ei pala. Ižändy djuovui, akkah sellitti kylys. Menöy ižändy kodih, yöniekku sporevuu. Ižändy sanou sanan, yöniekku sanou kolme. Sid otetah ižändiä i pačchahah sivotah nuorah. Sidohuu mennäh senčoih i ruvetah pagizemah: „Tämän yön anna каччou промкөннjoikse, huondeksel tapammo”. Brihačchu kuundelou dai tyttö (tyttö on kaheksandel). Ruvetah hyö syömäh, on sid syömisty. Ižändy pačchahas vai каччou i duumaičchou: päivän мечäs käveltyy ei anneta ni ildastu”.

Ruветah hyö muata i viizi kerdua hyvii päivii pietäh puoleh yöh sah, äski uinotah muata.

Tyttöne havaičчу. „Andazit,— sanou,— tuatoil djuvva”. Häi sanou: „Uvvel tuatal gu sanonen, sinun tappau”. Tyttö vieri muata, havaičчу brihačchu. Brihačchu sanou: „Andazit, tuattoini, djuvva”. — „Andazin djo, poigажeni, näit häi tuatal kait kiini ollah”. „Nouze iäre”, — brihačchule sanou. Brihačchu nousou, menöy tuattah luo, tuattah sanou: „Poigani, siirä stola laučчуa vaste da nouze stolale, et go voi veičчеi tavata da käzien kohtas et go voi tuatal nuorua leikata”. Brihačchine stolan siirdäy, nouzou stolale, tabuau veichen, menöy tuattah luo, tuatalle kyzyy: „Kus voibi leikata konattu”. Tuattah sanou: „Necis käzien kohtal”. Brihačchine ottau dai hičuttu i suau konatan poikki. Kait piästi väläl ižändäl, dostalit nuorat ičе kerittelöy kai. Ottau da brihačchule djuvva andau. Brihačchu djuou, djuodu poijalleh kyzyy: „Viego, poigani, muidu on kedä, vai tämä yksi on?” Poigah sanou: „Riichi täyzi meni, läkkä, tuatto, pagoh iäre”. Tuattah sanou: „Emmo nygöi lähte, viere muata, poigani”. Brihačchine vieröy muata. Ižändy panou kuatančat djalga, turkipindжакон piäle, шуапкан piäh i menöy riiehen bokale. Riiehen bokal on partu vietty riiehen levon niшkoi. Häi ottau parren, riiehen uksele panou tuven, ičе nouzou levon piäle. Levon lykkiy omah iäre i ripustah nuaril pardeh. Sid hyppiäy alah päi, riiehen lagi rubei ločkamah. Toisen kerran stukniu vie enämbäl, riiehen lagine paku i alah. Häi каччou: viego kedä nouzou yläh, vai ei nouze. Каччou, ga ei nouze. Häi menöy kodih, omil käzil pačchahah sidohes djarilleh.

Tulou huondes. Huondeksel emändy nouzou i veron valmistau, uvven ižändän nostattau. „Hyväkse,— sanou,— hätkehkön maguat”. I nouzou, ižändän sobat panou piäle. Ižändiä rubieu ispituimah. „Passibo,— ižändy sanou,— yönpiendiä.— „Midä bo,— sanou,— unis näit, ižändy? Ižändy sanou: „Minä midä bo näin; sinä tämän yön uvvel sijal magait, toinah sinä midä näit? — Ohoh, vie kulleh maltat paista,— ižändälleh sanou. Ižändy sanou: — Minä ennen maltaksendeliin paista, ga nygöi en tiije. A sid yöniekku sanou: „Nenga maltat paista, ga sid olet nähnyh unis midä tahto”.

A ižändy sanou: „Minä, ukko, näin unis”. — „Midäbo näit?” — yöniekku se sanou. „Näin,— sanou,— gu ilميزin olen меччynieкku, ga i unis olin меччynieкku. Oli,— sanou,— minul unis sellyčil (?) laittu puzu, sih puzuh lendi viizikymmen tedrei, net,— sanou,— tedret rouno minä unis kai tapoin”. Sid yöniekku se tostah, hyppiäy ižändäh käzin, a ižändy nuorat viuhkuau iäre. Ižändy menöy, hänen sorkas tabuau i kandau saruale i poltau sarain latettu vaste.

Sid, znuachit, akan tabuau, sen keskel halguau, tyttären rouno gu soiton vieldi. Koirile käsköy kandua djogeh net palat. Kilometrin peräs velli eläy, vellen kere avatah riiehen uksi, net bieglöit kai lykitäh djogeh, ostetah rengi viinua, brihachquine pannah keskeh, sid veseldytäh.

Velleh sanou: „Ota,— sanou,— meien hierus, on akkaine vanhu, poijas kazvandan aijakse. Poigu kazvau, sid poiijan voit naittua”.

Nu häi mugai ruadau. Poiijan naittau, sid heille lähtöy elaigu, ylen hyvä soviettu.

Tuattah kuolou, händy muah panou hyvin. Häi rubieu мучоин kere elämäh, hos kui hyvin.

Жил был мужик-крестьянин, а у него молодая жена и двое детей: один мальчик, другая девочка. Хозяйство крепкое, живут они зажиточно, а сила у мужика равна силе девяти мужиков.

Пошел он в лес, а в лесу встретил пятьдесят одного беглого. Пришел мужик вечером домой, сели ужинать, говорит он хозяйке:

— Хоть и живем на берегу реки, не бросай ты мусора и прутьев от веника в реку.

Хозяйка спрашивает:

— Почему?

— А так,— говорит,— не бросай.

Переспали ночь, наутро закусил мужик и пошел в лес. А хозяйка и выкинула мусор и угли, а беглые на берегу реки сидели. Один беглый и догадался, говорит другим:

— Смотрите,— говорит,— по реке мусор и угли плывут, кто-то живет в верховье.

Стали они вдоль реки подниматься. Видят: стоит дом как монастырь. Пятьдесят беглых в ригу пошли, наблюдает мальчик за ними, ему семь лет было. Один мужчина в избу зашел, сильный, сила шести мужиков у него. Молодой жене говорит:

— Станешь ли со мной жить?

Жена отвечает:

— И стала бы, ты мне понравился, да очень уж силен мой муж.

— Много ли у него силы? — спрашивает.

— У него сила девяти мужиков,— жена отвечает.

— О, тогда много! А уменьшается ли у него когда-нибудь сила?

— Уменьшается,— говорит,— когда в жаркой бане попарится и теплой водой сполоснется, когда все тело обуглится — тогда у него силы лишь одного мужика.

— Тогда,— говорит,— истопи баню, скоро будем с тобой вместе жить.

Жена истопила баню. Приходит вечером муж домой, за руку здороваётся с ночным пришельцем. Тот говорит:

— Хозяин, с разрешения хозяйки вошел я в избу. Не разрешишь ли переночевать?

Хозяин говорит:

— Ночуй, крещеный.

А жена предлагает:

— Пошел бы ты, мужичок, в баню.

А хозяин говорит:

— Не пойти ли куда-нибудь сегодня вечером?

А жена сказала:

— Не ходи, осень на дворе, пошли,— говорит,— я баню жарко истопила, попаришь свои косточки.

Хозяин отвечает:

— Можно пойти.

Пошли они в баню, начали париться, жена все больше пару поддает, мужик даже удивляется. Говорит:

— Пойду в речке искупаюсь.

Жена говорит:

— Не ходи в осеннюю воду, теплой водой оболью.

Облила его хозяйка, у мужика чуть тело не сгорело. Удивился мужик, что жена его так парила.

Пришел он домой, ночлежник с ним заспорил. Скажет хозяин слово, а ночлежник три. Потом схватили хозяина и связали веревками. Вышли в сени и совещаются:

— Пусть эту ночь с жизнью прощается, завтра убьем.

А это слышали мальчик и девочка; девочке восьмой год.

Потом сели за стол, стали есть, была еда на столе. Хозяин, привязанный к столбу, стоит и думает: «Целый день в лесу проходил, а теперь и поужинать не дадут». Стали они спать да забавляться, в полночь все заснули.

Просыпается дочь. Отец и говорит:

— Дала бы отцу попить.

А она отвечает:

— Скажу новому папе, он тебя убьет.

Заснула дочь, потом сын проснулся, говорит отцу:

— Дай воды, пить хочу.

— Дал бы,— отвечает отец,— да видишь, сынок, руки связаны.

Потом говорит сыну:

— Вставай!

Встал сын, подошел к отцу, отец и говорит:

— Сынок, подвинь стол к лавке, поднимись на стол, достанешь нож и срежешь с отца веревки.

Сын подвинул стол, встал на него, достал нож, подошел к отцу и спрашивает:

— Где резать канат?

Отец отвечает:

— Руки освободи!

Освободил отца, тот сам остальные веревки разматал. Взял и подает сыну пить. Мальчик пьет, а отец у него спрашивает:

— Есть ли еще ли кто-нибудь или этот один?

Мальчик отвечает:

— Полна рига набралась, пошли, отец, убежим.

Отец отвечает:

— Пока еще не пойдем, ты ложись спать, сынок.

Лег мальчик спать. Хозяин одевает валенки на ноги, полушубок надевает и шапку и пошел к риге. Возле риги бревно к крыше приставлено. Взял он бревно, засовом к риге поставил, сам на крышу поднялся. Ударил по крыше, стала она падать, он прыгнул. Второй раз ударил еще сильнее, крыша риги вниз упала. Смотрит он, встает ли еще кто-нибудь. Нет, никто не встает. Он и пошел обратно домой, сам себя к столбу привязал.

Наступило утро. Встает хозяйка и нового хозяина поднимает.

— Хорошо ли спалось? — говорит.

Встает он, хозяйские одежды надевает и начинает хозяина испытывать.

— Спасибо, — говорит, — за ночлег. Что тебе снилось, хозяин?

— Что мне могло присниться, ты ведь на новом месте спал, тебе, наверно, и снилось.

Ну вот отказывается, а хозяин и говорит:

— Раньше я умел сны понимать, а теперь не знаю.

Ночлежник говорит:

— Раз умел ты понимать, значит что-то видел.

— Да, я видел, — отвечает.

— Что ты видел?

— Да так как я охотник, так и во сне был охотником. Видел я, что расставил силки, а в них попало пятьдесят тетеревов, всех их я во сне и убил.

Вскочил ночлежник, бросился на хозяина, а хозяин веревки прочь отбросил. Побежал хозяин за ночлежником, поймал его, за ногу схватил и на сарай отнес и сжег вместе с сараем. Потом и жену убил, пополам разорвал и дочь, как гармошку, растянул. Приказал собакам куски в реку унести.

В километре от него жил его брат, вместе с ним пришли к риге, открыли дверь, всех беглых в реку побросали.

Купили ведро вина, усадили сына рядом с собой, стали пировать. Брат и говорит:

— Возьми из нашей деревни старушку, будет за сыном смотреть. Вырастет сын, тогда его поженим.

Так все и произошло. Сына женили. Стали они хорошо жить в любви да в совете. Когда отец умер, пышные похороны устроили. А сын с молодой женой очень хорошо стали жить.

(Архив Карельского филиала АН СССР $\frac{141}{21}$)

№ 25

Записано от Брендуевой М. И., д. Самбатукса,
Куйтежского с/с., Олонецкого р-на, Блиновой Ф.
в июле 1936 г.

S u a r n a

Oli mužikku da akku. Mužikal da akal oli kaksi lastu. Sanov mužikku akal. Akal kävyi druvgu. Druvgu käsköv кужуа akal: konzu mužikal vait puoletah?

Mužikku gu tulou kodih, akku i кужув: „Konzu sinul vait puoletah?“ Mužikku sanov: „Konzu räken kylyn lämmität, sit puoletah“.

Mужикku meni kylyh, da ei kylbenyhes, vai huuhdaldihs. Sanov: „Väit lähteih”. Buitoku oli kyls.

Tuli мужикku pertih, ga rasboiniekku on pertis. Ottav da мужикан sidov kanuatal раччahah. Мужикku sie on.

Razboiniekku otti akan ke muate vieri, a lapset ikkunua vaste iштutah.

Мужикku sanov: „Anduat, lapsi rukat, veičchi”.

Tyttö sanov: „Iшту, нечие, minä uvven tuatan gu nostatannen ga rodieu sinul veičchi”. A brihачchuine sanov: „Vuota vai, tuatoini, minä annan veichen”. Brihаччу kanuatan leikkai, tuaton piästi välälä. Мужикku seisou sit, a razboiniekku кужув: „Midä näit unis?” Näin unis sida: 12 „tedrii” (мужиккуа) tapoin, riihenlain piäle sorriin; ice tuliin endizeh sijah, sei-jattui, buite kun ni midä ei olluh.

Мужикku oli yhteh orожah patronan pannuh, toizeh pannuh vetty, sanov: „Otan da midä tahto ruan”. A nuoras seiжoi sanov: „Pitkän unen magain”.

Razboiniekku gu hyppiäv orожah, a sit oli vetty. A мужикku ottav toizen orожан da i ambuv razboiniekan da i akan. Tyttö кужув: „Midäbo tuatto millo?” Sanov: „Anna valdu!” Tyttöжен keskel halgai. Brihачchuine кужув: „Midäbo, tuatto, millo roih?” Häi sanov: „Anna valdu!” Kашшalin toi, brihаччужен pani кашшalih da otti keräl, a pertih pani tulen.

Жили мужик да баба. Было у них двое детей. А к жене приходил друг. Спрашивает друг у хозяйки:

— Когда у мужика сил вполовину меньше?

Когда мужик домой пришел, жена спрашивает:

— Когда у тебя силы уменьшаются?

Мужик отвечает:

— Когда горячую баню истопишь, тогда уменьшаются. Пошел мужик в баню, а сам не парился, а только обмылся. Говорит:

— Силы ушли. Будто парился.

Пришел он в избу, а разбойник в избе взял да мужика канатом привязал к столбу. Так и стоит мужик.

Разбойник с женой спать лег, а дети против окна сидят. Мужик говорит:

— Дайте, дети, ножик.

Дочка отвечает:

— Я нового отца подниму, даст тебе ножик.

А сын отвечает:

— Подожди-ка, отец, я дам нож.

Мальчик канаты разрезал, освободил отца. Мужик остался по-прежнему стоять. А разбойник спрашивает:

— Что во сне видел?

— Ну, видел,— отвечает,— во сне 12 тетеревов убил, крышу риги на них надавил, сам пришел и встал, как будто ни в чем не бывало.

Мужик взял в одно ружье патрон вложил, в другое воду, говорит:

— Возьму и что хочу, то и сделаю.

А сам в веревках стоит, говорит:

— Долго спишь.

Разбойник и прыгнул к ружью, а там была вода. А мужик взял другое ружье и убил разбойника и жену.

Дочь спросила:

— А мне что будет?

А он говорит:

— Дай волю.

И дочь напололам разорвал.

Мальчик спрашивает:

— А мне что, папа?

Отец отвечает:

— Дай волю.

Принес корзину, усадил в нее сына и взял с собой, а дом предал огню.

(Архив Карельского филиала АН СССР ¹³⁸/₂₆₃)

№ 26

Записано от Петрова Ивана Васильевича, д. Вагв-озеро, Вагвозерского с/с., Олонецкого р-на, КАССР, Евсеевым М. Н. в декабре 1936 г.

Huutoral eletti muhikku da akku. Heile oli kaksi lastu. Jogirannal eletti, a muhikan akku oli upr'oamoi. Konzu muhikku kielti midä ruadamas, ga akku sidä enämbal ruadoi sen. I kerran muhikku predupredi akal, што älä, качо, lykkeä ni midä jogeh: ni vastua, ni midä. (A muhikku tiezi, што мечас kävelöy begletsoin partii, kudain rahvaih kiskou.) A akku gu oli upr'oamoi, lykkeägi palkai kaksi vastoa. Begletsoin partii parahite peädyi syömäh jogirandah, dai dogadittih ned vastad uidamas. Yksi mies gi sanoi: „Kачо vai, toas on vaste lykätty vastoa. Neis lujal on lähil kedä tahto eläjeä. I lähtietäh astumah vastu vuoh i puututah huutorah, sid sinne mendyy toizet kai atamoana pani riiheh, a iče meni akan luo pertih (heidy kaikkiedah oli 40 hengie). Atamanal himoitti akankel yhtyö, hän muga oppii sidä akkoa kozita 3—4 päiveä. Dai soa sen. Sid heile rodih jo moine mieli. шtobi muhikku hävitteä eäre. Akku njeuvvou atamoanal, што muhikku on minul ylen vägävy. Качо, yksin stroi koid dai kai, händy voittamah piidäy olla 6—7 muhikko. Vai kyls tuldui hänel eule vägie. Konza virutah nurmel sellälleh huogaumah. Mugai roatah: atamoana ottau dai sidou käid. Tuou muhikan pertih dai seizattau hänen konechon luo, sidou sih.

Iče vieri moata akankel, gui ukko da akku: toizet vie sie riiheh ollah. Häi seizou konechkas yö, a parahite yö havachuu hänen pieni tyttöine (tytär). Tuattah gi sanou tytöl: „Anna, Nast'o-rukku, veiči toatal, a Nast'a vastoau hänel: „Vuota uvven toatan nostatan ga andau häi sinul hyvän veichen”. Muhikku tytölleh sanou: „Älä, ah, Nast'a-rukku, viere moata, älä”. Sid brihachču pouhhi. Toatto gi pakichhi brihachul veichen, a veiči oli korgiel poalchal. Häi (brihachču) täydyö ei voi. Toattah njevvoi händy, што pane sobua alle, da päriel sorra veiči, sobatukun peäl. Muga gi brihachču roadoi. Sordi veichen, ni ken ei kuulluh. Otti andoi veichen toatalleh suuh. Toattoh brihachun käski moata. Muga toattoh keändäy käid i leikkuau nuorad käzis i lähtöy pertis, salbai hill'akkazin uksen, качoi: ni kedä huonuksis ei nävy. Duumaichču nygöi, што kedä tahto pidäy olla täz. Sid menöy häi riihen pihal. Ikkunaize gu kachahtaa: sie 39 hangie. Sid ottau kolmeroagajen kuuziverukazen parren da panou sen uksele tuvaksi. Iče tuli pertih seiжатui endizelleh, kui oli sivottu.

Huondeksel nostah magoamas akkah da atamoanu. Atamoanu kyzyy muhikal: „Midä tänä yön näid unis?” Häi vastai atamoanal: tänyön puutui kolmekymmen yheksä tedrie puzuh, a nelläskymmen terväh puuttuu puzuh, yksi jalga jo on poalikal, a gai toine puuttuu. Dai häi pakkuu puzuh. Atamoana ottau dai rubieu händy korval iskemäh, sanou: midäbo izdevaičettos? Muhikku gu vellin syöttäi, tresnii korval, häi gi pakkuu sih. Sid hänenkel muga kodvan izdevaičeh, muokkai. Sid tytön iski seineä vaste,

iche sanou: täs gi sinul uuzi toatto. Akan otti, yhten jallan pani icelleh jallan oal, toizen kädeh, dai halgoau akan. Iche sanou: täs gi sinul uuzi ukko.

Brihaččužen otti uskäh, koin poltti i lähti putemiestvuimah moadu pitkin, toizih hieruloih.

На хуторе жили мужик да баба, было у них двое детей. Жили на берегу реки. А жена у мужика была упрямая. Когда мужик запрещал ей что-нибудь делать, все равно делала. Однажды мужик предупредил жену:

— Смотри, не бросай ничего в реку, ни веника, ничего другого! А мужик знал, что ходит по лесу партия беглых, которая народ грабит.

А раз жена упрямая была, она и два веника в реку бросила. Партия беглых расположилась на берегу обедать и догадались, откуда веники плывут. Один из них и говорит:

— Смотри, только что брошены веники. Наверно, поблизости кто-нибудь живет. И пошли по берегу и пришли на хутор. Атаман всех отправил в ригу, а сам пошел за хозяйкой в избу. (Всех их было 40 человек.)

Атаману понравилась жена мужика, он ее сватал 3—4 дня и добился своего. Тогда пришли они к решению уничтожить мужика. Хозяйка сказала атаману, что муж у нее очень сильный.

— Смотри, сам построил дом и все остальное, чтобы победить его, надо 6—7 мужиков. Только когда из бани придет, нет у него силы, когда на траву ляжет отдохнуть.

Так и сделал атаман, связал его, поставил в конечку.¹ Сам с женой его спать лег, а другие в это время были в риге.

Стоит мужик у конечка, а ночью проснулась его маленькая дочь. Отец и говорит дочке:

— Дай, Настенька, отцу нож.

А Настя ему отвечает:

— Подожди, новый отец встанет, он тебе даст хороший нож.

Тогда мужик сказал:

— Не надо, Настенька, спи.

Проснулся мальчик, сын мужика. Мужик у него попросил ножа, а нож был высоко на полке, мальчик и достать не мог. Тогда отец посоветовал ему подложить шубу и лучиной сбросить нож. Так мальчик и сделал, достал нож, и никто и не слышал.

Отец попросил положить ему нож в рот, а мальчику лечь спать. Сам он начал повертываться и срезал веревку с рук, вышел из избы, дверь закрыл. «Где же другие? — думает. — Должны где-то здесь быть». Потом пошел он на двор риги, посмотрел в оконце, там 39 человек. Потом взял он шестиаршинную, трерогую жердь и закрыл двери риги засовом. Сам вернулся в избу, встал по-прежнему как был завязан.

Наутро встали ото сна атаман и жена. Атаман спрашивает у мужика:

— Что этой ночью во сне снилось?

Он отвечает атаману:

— Этой ночью тридцать девять тетеревов в мешок поймал, а сорокового за одну ногу ухватил, за другую не успел, чтобы в мешок запихать.

Атаман ударил мужика по уху, говорит:

¹ Балка у потолка.

— Что ты издеваешься?

Мужик тоже ударил атамана и убил его. Потом дочку об стену ударил и говорит:

— Вот тебе новый отец!

А жену ухватил за одну ногу, на другую встал и разорвал надвое. А сам говорит:

— Вот тебе новый муж!

Дом сжег, а мальчика взял с собой и пошел путешествовать по земле, по другим деревням.

(Архив Карельского филиала АН СССР ¹³⁷/₉₄₉)

№ 27

Записано от Петровой Марфы Николаевны, д. Мук-
ка, Большегорского с/с., Олонецкого р-на, КАССР,
Жаруевым И. в феврале 1939 г.

SUARNU

Prostoi mužikku

Prostoi mužikku eläy hyvän mucoin i lapsien ke ojarandazes.

Mужикку käy ohotal, a mucoi pidäy hozjaistvua. Se on hijän mökkine ykzinäine. Мужикку mečäs kävelles kuulou karuloin paginan, što mein pidäy eliä oja- libo djogirannas, sid myö voisimo puuttua hieruh. Мужикку tulou illal kodih i mucoidu vakustau, što älä lykkiä murdoloj ojah, voijah niidy myö piästä karut mökkih.

Nu, toizennu päivänny mužikku lähtöy ohotal, mucoi diäu lapsien ke kodih. Mucoi pidäy kaiken uborkan i menöy i ojah tresniu kuadau murrot, hodj i mužikku kieldi.

Murrot lähteittih kulgemah virdua myöte, a sil aigua oldih karut ojarannas. Hyö nähtäh, što kulgietah murrot i vastu kolikot: täs pidäy lähäl olla eläjät. Hyö lähtietäh nouzemah ojarandua myöte i piästäh mökkih.

Heidy on kaksitostu, yksi on vanhin. Mennäh pertih i ruvetah mucoin ke pagizemah. Vanhin karu mielidy mucoih. Mucoi sanelou heile, што мужикку on vägevy, mengiä iäres, ga tulou i tappau tiät kai.

Karuloin piälikkö predlagaiчou lämmitiä kylyn ylen räkeksi. „Tulduu työnä mužikku kilyh, anna kylböy i väzyy”.

Mucoi muga i ruadoi. Lämmitti kylyn i tulduu mužikan työndi kilyh. Мужикку kylыs olles väzyi. Häi lähtöy kylыs i viruttahes huogavumah piendarel. Sil aigua hypätäh karut i ruvetah händy pergamah. Perretäh, perretäh, ga hän vai vähäzel vaivistuu. Karut otetah händy i sivotah раччаһаһ. Karut mennäh pertih i ruvetah pidämäh bualua.

Mucoi syöttelöy heidy, se on ildaine aigu. Bualun loppehuu vanhin karu käsköy toizil mennä riiheh yökse, a iče diäy mucoin ke.

Mужикаl oli kaksi lastu: Vasja da Masha. Vasja yöl havaičui i djuoksou tuattah luo. Tuattah sanou Vasjal, што tuo veičui da leikkua nuora. Vasja menöy djuoksou i koppuau veičen i leikkuaу nuoran i piästäy tatan. Vasja sanelou kai tatalleh. Мужикку menöy riiheh i tappau kai yksitoistu karuu. Sen jälgeh tulou pertih, rubiau чаккуamah mucoidu. Mucoin ajau karun ke iäres. Iče nai uven vie paremban mucoin. Häi азеттау uvvessah eloksen da vie, рожалуй, i nygöi nečiä eläy.

СКАЗКА

Простой мужик

Простой мужик жил с хорошей молодой женой и детьми на берегу реки. Мужик ходил на охоту, а жена вела хозяйство. Их домик одиноко стоял. Когда мужик в лесу ходил, слышал разговор беглых, что надо им на берегу реки жить, чтобы жителей деревень грабить.

Вечером пришел мужик домой и жену предупреждает:

— Не бросай мусор в реку, по ним разбойники могут в наш дом прийти.

Ну, на второй день пошел мужик на охоту, жена с детьми дома осталась. Жена прибрала все дома и выбросила мусор в реку, хоть и запретил муж.

Поплыл мусор по реке, а в это время разбойники были на берегу. Увидели они, что плывет мусор и прутья веника. Поднялись они по берегу и нашли домик. Было их двенадцать, один был старший. Пришли они в избу, стали с хозяйкой говорить. Старшему молодая хозяйка понравилась. Хозяйка сказала им, что у нее муж очень сильный.

— Уходите, а то придет и убьет всех!

Тогда старший предложил натопить пожарче баню и когда муж придет, отправить его в баню, пусть попарится и устанет.

Так жена и сделала. Натопила баню и отправила туда мужика. Мужик напарился и устал. Вышел он из бани, лег на дворе отдыхать, набросились на него разбойники и стали избивать, пока не одолели. Взяли его и привязали к столбу. Пошли разбойники в избу и бал устроили. Жена их кормит. Уже вечер наступил. Бал окончили, старший разбойник приказал другим идти в ригу на ночь, а сам остался с молодой женой.

У мужика было двое детей, Вася и Маша. Вася ночью проснулся и побежал к отцу. Отец и говорит:

— Принеси нож и разрежь веревку.

Вася побежал, схватил нож, разрезал веревку и освободил отца.

Вася все рассказал отцу. Мужик и пошел к риге и убил одиннадцать разбойников. После этого вернулся в избу, стал жену ругать. Прогнал жену вместе с разбойником. Сам посватал новую жену, лучше прежней. И стали снова жить и до сих пор, пожалуй, живы.

(Архив Карельского филиала АН СССР ¹³⁸/₅₅)

III

Записи предания на саамском языке¹

№ 28

Текст опубликован в журнале
„Memoires de la société finno-ougrienne“,
1931, т. 60, p. 304—307.

Jealla tul'i gy'es' олмуі. олмун'е шAnD^ai nliđai i шAnD^{-a}i олмун'е
АлGai. nu олмуі jealla. олмуі выl-^gkkyed'i meah^tsa, nu олмуі
van^dt's'eal meah^tsa i saarnaі АлGain'es i nliDn'es: „mAnna^d saarna^d

¹ Тексты подготовила к печати кандидат филологических наук В. В. Сенкевич-Гудкова. Ключ к транскрипции см. стр. 57—59.

jeannan^{dt}, niеш'ш'ldt joG'k'e i kынд^{dt}ш'aD't'ш'e." no jlen'n'es por'D'i niеш'ш'ldt тыл'l'E tiuu^{dt}se, кынд'i. joG'k'e luvv^li pyed'i maaza^{dt}, niеш'ш'ldt кындi, joG'k'e luvv^li maaza^{dt} pyed'i, vier^{dt}tast кынд'i, joG'k'e luvv^li, pyed'i maaza^{dt}, nu i jel'l'egyed'i. t'ш'u^dE выl'n joga uiin'en, што vier^{dt}taz толлаб выелас joga. sii tAs't tiid't'en, jiel'l'e! jiel'l'eb piijen joga je van^{dt}s'El'en joGkындt-кыри piias joga ji kaun'en jiel'l'e!dt. a paar'n'E silrrgyeD't'en joGындAs't. t'ш'u^dE толла, tsiel'k'en: „ax, mom tAGkpyeD't'e^d?" Algai nli^{dt} por'gk'en maaza^{dt} i pyeD't'en viid't'ш'en jeannas i tsiel'k'eb jeannas: naro^{dt} pyed'i." liisti олGuz kaab, tirvt'i: pyeD't'a^d кыess[^]nen koaDta." кыpt'egyed'i i porD't'ешкыed'i porra^d кыess[^]nen, jiel'l'e^d ossuttet." i sii tsiel'k'en: „хыez'en vai jil лаgk кыed'es't?" „tuuDa poaDt хыez'en." Algai олgkan sierra, nu poaDt олmai i tseal[^]k Algai jeaD't'ш'as: „jeaD't'ш'am, mo^gk len^{dt}ш'e олmai^{dt}, pyeD't'en. aanna vier^{dt}tast кынд'i joG'k'e" „nu кынд'i; son кынд'i vii^dж' A maaz koaDta." олmui pyd'i koaDta. tirvt'i кыыs'елaid'es: tiirvn jiel'l'ebieD't'e^d vaarroлма. zatшем jle^{pp}e^d por^{ht} vaarroлмаi^{dt}? jiD't'ш' porD't'ешkoadam vaarroлмаi^{dt}. nu кыptegyed'i i porD't'ешкыed'i: „porra^d jel'l'e^d ossutte кыess[^]nen" nu por'r'en, кыр-gkn'en, v^{ue}DsalлgyeD't'en i олma kor'r'en, uk's'e kashien, stogo v^{ue}Dsal'l'en. Akt шur[^]mas koDtsai, ammeast[^] i tseal[^]k олmun'e: nu олmai v^{ue}Dt'e^gk? Mom niGku^gk?" „nu jea ^dжанem, mon korрмаin выer[^]Am tak mon'n'e mi nalgast ton jeaD't'шам v^{ue}Dt'e^gk mona aa^gk'in, mom niGku^gk?" „a mon tamme niGkum: Akt't's'E kar-nassyd aut kaarnass't pAda i t'ш'A^emE roH^gka. mom niGku^gk олmai?" a mo tamme niGkum. Akt kaarnas Akt's'E kaarnass't t'ш'Al'mE je pAda roH^ga". „ax ton, mAn^{dt}em лаgk:" Ann^li v^{ue}ivE выыл'n saabl'e val^{dt}d, a олmui ны'ш'kad'i v^{ue}ivE jADt[^]l'i, i pygk t'ш'ыbran^{dt} v^{ue}iv^lpt i кынд^{dt}ш'i pygk joG'k'e pyed'i maaza^{dt} i vierrgyed'i saaHg^{id}t. АлGanes tsiel'gk'i jeaD't'ш'as: „mom piel^gk?" „aGka kADn^{dt}ш'e, лыe^{pe}l'e kAda pielла^d. „nett ääD't'ш'E tiiblyda^gk". „jim tiiblyD'. vii^dж, koD't'ш'A jeanna^{dt}, лыыш't' jeanna^{dt} poaDta mon'n'e." i kaBpk'es pyed'i. nu son val'D'i kaBpk'es i steänna piel^{ai}. väl'D'i son niIDAS kiD' t'es i лыыш't'i maaza^{dt} i vanD'z'i togo tiege i val'D'i niIDAS kiid't'es i steänna piel^a-i „koz aanna, togo ju ton" i Algai olva. „ton aktu jiel'-лыik'", jleD't'ш'es (tsiel'k'i), выl'gk'eb koaDta i koaDta pyeD't'en, porшкыeD't'en. por'r'en kir^gkn'en i t'ш'ен^{dt}ш'Al'i, van^{dt}s'еал гындtu. vAnnz'in suGkl'i tun'n'e peалла joga i vAnnz'es kiez'i t'ш'ен^{dt} ш'Al'i, van^{dt}s'еал. i pyeD't'en siiid't'e i jiel'l'egyed't'en. main's pygk.

Жил в старину мужчина. Родилась у него дочь и еще родился сын. Ну, жил-был мужчина. Собрался мужчина в лес. Отправляясь, он сказал сыну и дочери:

— Пойдите к матери и скажите ей, чтобы не носила мусор в реку!

Но набрала мать полную шкуру мусору, отнесла, бросила в реку, пришла обратно. Мусор отнесла, в реку бросила, пришла обратно;

собрала щепки, понесла, в реку бросила и пришла обратно. Ну, стала жить-поживать.

Разбойники (чудь) в низовье реки увидели, что по реке вниз плывут щепки. По ним они узнали, что в верховье реки живут люди, отправились вверх по берегу реки и обнаружили жителей. Дети начали играть на берегу. Чудин пришел, спросил:

— Ах, что вы делаете?

Мальчик и девочка бросились бежать домой, прибежали к матери и сказали ей:

— Люди пришли.

Женщина вышла на улицу, приветствовала их:

— Заходите, гости, к нам.

Она приготовила пищу и стала угощать:

— Кушайте, гости мои, не брезгуйте.

Они спросили:

— Хозяин дома или нет?

— Скоро придет.

Мальчик играл на улице, но пришел мужчина, и сын сказал ему:

— Отец, пришли какие-то люди, кто их знает. А мать носила щепки в реку.

— Ну носила, так носила, беги обратно домой.

Мужик вошел в вежу, приветствовал гостей:

— Будьте здоровы, пришельцы. Почему не потчуете гостей? Я сам накормлю их.

Ну, начал варить и кормить:

— Кушайте, гости, не брезгуйте.

Ну, кончили есть, стали укладываться спать, связали мужчину, бросили его к дверям, потом легли спать. Один из них, атаман, проснулся, зевнул и сказал мужчине:

— Ну, муж, как спалось? Что во сне снилось?

— Но, хозяин, я был связан, не до добрых снов. Ты, хозяин, спал с моей женой, что тебе снилось?

— Я видел сон: девять воронов выклевали у одного ворона глаза и вырвали внутренности.

— А я видел такой сон: один ворон выклевал у девяти воронов глаза и вырвал внутренности. Ишь ты, какой!

Чудин потянулся, чтобы достать из-под изголовья саблю, но муж вскочил, отрубил ему голову, отрубил остальным головы и отнес их в реку.

Пришел обратно и начал строгать колья. Сын спросил отца:

— Что ты думаешь растянуть на них?

— Шкуру большого оленя и маленького.

— Плутуешь, отец.

— Не плутую. Беги, позови мать,пусти ее ко мне.

Жена пришла. Ну и он пригвоздил жену к стене. Взял дочь на руки, опустил ее, сам ходил взад-вперед, схватил дочь и пригвоздил ее к стене:

— Куда мать, туда и тебя.

Сын заревел.

— Не плачь,—сказал отец. Они вернулись в шалаш, стали есть. После встали и пошли по берегу. Переправились на лодке на тот берег, вытянули лодку. Встали, отправились в путь; пришли в деревню и стали здесь жить. Тут и сказке конец.

№ 29

Записано от Данилова Николая Прокопьевича,
с. Иоканьга, Мурманской обл., В. В. Гудковой-Сенкевич
в 1955 г.

t'ш'uD't'E maiNs.

kal'as aahkaïnes jiel'l'en joGkryndas't. sist l'in paarna: Algai i n'lid'li. Algai taaiva sir'i joGkkyRst. jleD't'ш'as son'n'e saarnai: „vler^dtas jog'k'i jiel' ыштыл', pьeDtav t'ш'uda i mine paI'l'av. Algai vler^dtaz jog'k'i ышт'i i pьeD't'in t'ш'uda. sist l'ei t'ш'udat'ш'ier'v'E. s'ingEm l'in aktse олтыпы^dt. j'en'n'es val'Di t'ш'udat'ш'ier'v'a iD't'ш'is'e. kaaktse t'ш'uda вы'l'ekin ыeDta^d aïhты. t'ш'udat'ш'ier'v'e tшеkt'i ш'ies'ш'a i saarnai par-naïd't: „poaDta jaDжан^dt po'pal'E ш'iaш'ш'a“. paarna uaD't'in. pьed'i jeD't'ш'as i po'pal'i ш'iaш'ш'a“. a n'lid'li rekad'i. a j'eD't'ш'es po'p^Alain ш'iaш'ш'a i saarenta ni^dt'inы: „pьD^t mEn'n'e n'ibpa“. a n'lid'li saarenta „mun saarnam oDt aD't'ш'in'i“. a jeD't'ш'es saarenta ni^dt'inы: „t'on ыe^d ыe^dl“ rekad'i Algai, a jeD't'ш'es aanna n'ibpa Algai val'Di n'ibpa i t'ш'ibpi ш'iaш'ш'a сыны. jeDжес ышти. jeDжес val'Di sabl'a. vil'ek'i aïhты i t'ш'ibpi ыeive^dt aktse t'ш'uD't'elas't. pьed'i koadta peii is vyl' sabl'a. in^dt's'ei kuoDtsai t'ш'udat'ш'ier'v'E i kAD't'ш'a kalzas't: „mum niGki^gk naGkeres't?“ kal'as saarenta: „akt kaarnas akt'sE karnass't t'ш'Al'mi^dt rongl.“ t'ш'udat'ш'ier'v'E kuoDtsai tovvad'i vaal^dte^d sabl'a, sabl'a, ила^gk. kal'as kuoDtsai i t'ш'ibpi ыeiva t'ш'udat'ш'ier'ves't. aahkes owлыкьedi i saarenta kalz'in'es: „mun im ла vler'r'a“. si pьeD't'in jegka i vigky menE val^dtin iDжас“. kal'as saarenta a^gkin'es: „vEл^gka^bp vaarra!“ pьeD't'in vaarra. kal'as a^gkin'es saarenta: mom uaija tAgki^d tannE pieD'z'es't?“ aahk'es saarenta: „tanna pieDz'est oaije^d tAgk'i^d pAR^xты. kal'as lin't'i pieD'z'a i pao'ka aGkes t'ш'ianны^d mlierit'ш'id. kal'as rED't'i plaDtsa. kal'as vyl'Gi pAR^xtis'i, pьed'i paR^xtis'i parnaiskEm saarenta: sugkla^gka^bp сыллыжы мырji^dt ussy^d“. si pьeD't'in сыллыжы, usskьeD't'in мырji^dt. ni^dtes riagka: „aaD't'ш'a tAs't li taafa мырja.“ ka kal'as saarenta: „n'li^dтын, tumbles't vial^a мыржы iam^bp^A“. ni^dtшai porki олgk^aла. kal'as Al'gkas saarenta“ su^gkla^gka^bp maazy,“ ni^dtшai ria^gka: aaD't'ш'a, mAn'e kyD't'i'k mone?“ kal'as saarenta ni^dtes'e: „oDt jiaDtшan^dt mokш'lada t'ona.“ kal'as pьed'i pAR^xtis'i val'Di mum pEDta, vyl'Gi jiel'l'e^d lanna Al'gkin'es. maiNs pE^gk.

Сказка о Чуди

Муж с женой жили на берегу реки. У них были дети: мальчик и девочка. Мальчик часто играл у реки. Отец ему сказал:

— Щепки по реке не пускай, придет чудь и нас убьет.

Мальчик щепки по реке пустил и пришли чудь. У них был чудский богатырь (начальник). Их было девять человек. Мать взяла Чуда-Чирвя к себе. Восемь человек чуди ушли спать в амбар.

Чуда-Чирвя повесил силок (в дверях вежи) и детям сказал:

— Придет ваш отец и попадет в силок.

Дети заснули. Пришел отец и попал в силок. А девочка проснулась. А отец, попавший в силок, и говорит девочке:

— Дай мне нож.

А девочка говорит:

— Я скажу моему новому отцу.

А отец говорит девочке:

— Ты спи, спи!

Проснулся мальчик, и отец попросил нож. Мальчик взял нож и разрезал жилы (нити). Отец освободился (из силка). Отец взял саблю, пошел в амбар и отрезал головы восьми чудским воинам.

Пришел в вежу, положил под себя саблю. Утром встал Чуда-Чиервя и спрашивает мужа:

— Что ты видел во сне?

Муж говорит:

— Один ворон одному ворону глаза выклевал.

Чуда-Чиервя встал, хотел взять саблю. Сабли нет.

Муж встал и отрубил голову Чуда-Чиервя. Его жена заплакала и сказала:

— Я не виновата. Они пришли ночью и насильно меня взяли к себе.

Муж сказал жене:

— Пойдем в лес.

Пришли в лес. Муж жене говорит:

— Что можно сделать из этой сосны?

Жена сказала:

— Из этой сосны можно сделать дом.

Муж расколол сосну и велит жене влезть (в середину сосны) поместиться. Муж ударил молотом по сосне и жена осталась в сосне.

Муж пошел домой, пришел домой, своим детям говорит:

— Поедем погребем на веслах, к острову собирать ягоды.

Они приехали на остров и стали собирать ягоды.

Его дочь кричит:

— Папа, здесь много ягод.

Муж сказал:

— Доченька, там дальше еще ягод больше.

Девчонка побежала далеко.

Муж сыну говорит:

— Поедем (погребем веслами) обратно (домой).

Девчонка кричит:

— Папа, зачем ты оставил меня?

Муж сказал дочери:

— Твой новый отец перевезет тебя.

Муж пришел домой, взял что надо, ушел жить в город со своим сыном.

Сказка вся.

№ 30

Записано от Таруновой Устины Павловны, с. Иоканьга, Мурманской обл., В. В. Гудковой-Сенкевич в 1955 г. (Начало смотри по записи от Н. П. Данилова).

aahk'es oowlykyed'i i saarenta kalz'in'es: mun im ла vier' r'a. sl'ryeD't'in jegka i vigky menE val'dtin iDjas. jeDjes val'Di aaGkes i niid'es i vEgi сыллыы s'on saarnat: „tuon jiel'1' tAs't niid'tan'dt, a mun

Jiel'le'egoadem Al'Genan^{dt}. i Jiel'le'i s^{on} Al'Gin'es maanna i vyl'gkin
 сыллыы maitAgke^d jannan^{dt} ni^{dt}n'es i ryed^t'in togo сыллыы а jen'n'as
 ni^{dt}n'es уже liev jaamyⁱⁿ'. s^{on} aaGkes. i ni^{dt}tes rygki сыллыы.
 i ryed'i maazy^d Al'Gin'es Jiel'le'ekyed'i, Al'Gin'es kEktas't. maiNs pEgk.

Жена стала плакать и говорит своему мужу:

— Я не виновата, они пришли ночью и насильно меня взяли к себе.

Отец взял жену свою и свою дочь и отвез на остров.

Он сказал:

— Ты живи здесь со своей дочерью, а я буду жить со своим сыном.

И жил он со своим сыном месяц, и поехал на остров посмотреть на мать и ее дочь.

И приехал туда на остров, а мать со своей дочерью уже умерли. Он свою жену и дочь похоронил на острове (дословно: на острове). И приехал он обратно, с сыном жить стал, с сыном вдвоем.

Сказка вся.

№ 31

lei ou^{htta} Daalluu stuorra jo^hkka GääDDiist ja Dan Daluu isiiD GiilDi
 eEmiiDis e^{hte} ihk oaD'D'ж'uu sou^hpuu^hk vaaras suaa^hkkuid jo^hkkI. manai
 mu^{ht}tiim vuoruu almmäi meeä^{hts} äi muora vieD'D'ж'aa^hk ja son lei
 Gieurra, GuuDDi stuorra muora oalGGil alD. eEmiiD lei BiD'D'aan
 jo^hkkI varaas suaa^hkkuid. t'w'ud'i^hk Boo^{htte} jo^hkka GaDDäi. oinne DaiD
 varaas suaa^hkkuid. ar^vvaleD'D'E, e^{hte} DoBBE leä ässi^hk BED'D'iin
 joqa. vul^eGGe jo^hkka — GääDDi Bajäas ja Gäunne DoBBE Dan Dalu.
 isiiD lei ain meE^{hts}ist ja son BodI Delle. t'w'ud'i^hk leD'D'e ouDDaai
 GeäreGGanam manna^hk suu Daallui. eEmiiD väldi vueoräas DaiD
 t'w'udiiD. saarnnui DaiDi, e^{hte} suu Gäälliis leä Gieurra hir^emmaad.
 t'w'ud'i^hk raa^hkkaDeD'D'e Giela uuBursi siske — Bealläi. eEmiid mannai
 olGGus sa^{ar}nui Galläasos e^{hte} Boade Borraa^hk! almmäi ii Die^{ht}tään
 t'w'udin meIDDiiGe. t'w'aaⁿhail sisA sil ro^{ht}tejeD'D'e Giilli GiDDA,
 ja GiedaiD velä sealeGGäi ja Bäle^hkkEsteD'D'e olGGuuD vistäi. aiGGu
 sil väldi^hk el^{hts}Esah^k olmmuin, Go lei nuu Gieurra. t'w'udoaivvii
 manai siskkiid vistäi suu ää^hkkim oad^di^hk. veägaas Bijai son ai^{ht}täi.
 Dan al^emmäst leD'D'e Gueu^{htte} manä. nieiDDa lei BoarresuD, GanDa
 lei u^{hts}i. vääDDzi nieiDa la^hkka ää^{ht}t'w'iis. son jeärai nieiDDAstis:
 „oinne^hk Go GosA eännä^hk Bijai niiiBBi?“ nieiDDA tseel^hki a^{ht}t'w'Asis:
 „Im mun saarnnuu Dun'n'e, Don GoDDä^hk must oad^da ää^{ht}t'w'i!“ Delle
 vuulGi Geä^{ht}t'w'aa^hk GanDa ää^{ht}t'w'iis. BodI ää^{ht}t'w'iis lusA,
 Geä^{ht}t'w'ai ää^{ht}t'w'iis ala ää^hkkii^hk. ää^{ht}t'w'i tseel^hki GanDasis:
 „Boade De^hkke laqaBi mun'n'e!“ GanDa manai lusA. jeärai son
 GanDDAsis: „Oinne^hk Go, GosA eännä^hk Bijai niiiBBi?“ Ganda tseel^hki:
 „oinnen!“ — GalGGaa^hk väldi^hk niiiBBi ja Buuffti muu lusA!“ Ganda
 Buuffti niiiBBi ää^{ht}t'w'iis lusA. Go^{ht}t'w'ui t'w'uo^hppaa^hk BääDDiD
 rasttää Gledain. GanDaa BarGGai nuu Delle Beässaⁱ luovuus. manai
 Do^hkku siskkiid lenni soai leäiGGää oad^di^hmin. vääldi mie^hkkii Bajäa —
 BeEiD t'w'udii oai^hvvi Gie^{ht}tAsis ja roⁿGi suu Bajäas: „Go^{hts}sää Bajäas
 vieres Gal^eGGuu lu^{htte} oad^di^hmin!“ son rauGGai t'w'o^hkkuu^hk. Daluu
 isiiD t'w'eski mi^hkuin sust oai^hvvi ere Bijai uuBssaiD GiDDA. manai
 olGGus mi^hkin ää^{ht}ti lusA. DoBBE leDDE t'w'udii^hk oad^di^hmin.
 t'w'ieBt't'w'Asi uuBursa ravaas t'w'udii^hk suor^eGGaneD'D'E vul^eGGe
 Be^hkkE^hk olGGus. son äälGi t'w'uollaa^hk ooiviD ere. GoDDi Buoh^k

Dam veäga. roGGai stuorra hääuDDi, suo^hppui DaiD Do^hkku Buo^hk manai ää^hkkEs lusA, t'ш'nanai t'ш'ud — ooivîn GiDDalagai. Dajai son Gal^gGGUsis: „Don leD'D'E^hk mun'n'e raa^hkkadan hääuDDi Immeel mun var^ejja!i!“ Ddalvvui son Do^hkku hauDDäi Bäle^hkkEsti Do^hkku ja nieiDDa meEiDD: „mana Daal odda äät't'ш'inaD Do^hkku! moai äleGGe GaanDaash Daal eEllii^hk!“

(Memoire de la Société Finno-Ougrienne LXI, Helsinki 1931, стр. 109—110)

Один дом стоял на берегу большой реки. Хозяин дома запретил хозяйке бросать в реку свежерубленные щепки.

Однажды хозяин отправился в лес за дровами. Он был такой сильный, (что) мог нести на плече большое дерево. Хозяйка бросила в реку свежерубленные щепки. На берегу реки появилась чудь и увидела эти щепки. Чудь догадалась, что в верховье реки есть жители, пошла по берегу вверх по течению и нашла этот дом.

Хозяин все еще был в лесу, он пришел после. Чудь успела раньше войти в его дом, Хозяйка хорошо встретила чудь. Она сказала им (чуди), что ее муж очень сильный. Чудь поставила в избе перед дверью ловушку.

Хозяйка вышла на улицу и сказала мужу:

— Иди кушать!

Муж ничего не знал о чуди (и) вошел в дом. Чудь поймала его в ловушку. Хозяину связали ноги, руки привязали за спину и бросили его в сени. Они (чудь) хотели взять его в свою команду, потому что он был очень сильный.

Военачальник чуди пошел с хозяйкой спать, своих людей он отправил в амбар.

У хозяина было двое детей: дочь была постарше, сын маленький. Дочка прошла мимо отца. Он спросил у нее:

— Видела ли ты, куда мама положила нож?

Дочка ответила отцу:

— Не скажу, ты убьешь моего нового отца!

Тогда пошел сын к отцу. Подошел к нему и посмотрел на него с жалостью. Отец сказал сыну:

— Иди сюда, ближе ко мне.

Сын подошел к нему. Отец спросил тогда у него:

— Заснули ли они там?

Сын сказал:

— Да они уже спят

Отец спросил у сына:

— Видел ли ты, куда мама положила нож?

Сын ответил:

— Видел.

Сын принес отцу нож. Тот велел разрезать веревки на руках. Сын это сделал. Тогда хозяин освободился.

Он вошел в спальню. Военачальник с хозяйкой спали. Хозяин взял со стены над головой чудины меч и крикнул так, что тот проснулся:

— Уходи с постели чужой жены!

Чудин быстренько сел. Хозяин срубил мечом ему голову и закрыл двери. Он пошел с мечом к амбару. Чудь спала. Хозяин распахнул дверь амбара. Чудь испугалась и начала выбираться через дверь на улицу. Хозяин стал рубить головы и убил их всех. Он выкопал большую яму и бросил убитых туда.

Тогда он пошел к своей жене, привязал ее к военачальнику и сказал ей:

— Ты готовила мне смерть, да бог меня уберег.

Он отнес ее к яме и бросил ее, а также и дочку туда:

— Иди теперь с новым отцом. А мы, дорогой сынок, начнем с тобой теперь жить.
